

Ирина Юкина (Санкт-Петербург) "Новая история женщин» России". Вступительная статья к "Библиографии по истории женского движения и феминизма (1850-е –1920-е годы)". "Алетейя", 2003.

«Новая история женщин» России.

Все мы сегодня являемся свидетелями процесса изменений, происходящих как в самой исторической науке, так и в представлениях о ней. В отечественной историографии идут процессы переосмысления традиционных направлений исследований, определяются новые сферы исследовательских интересов, разрабатываются новые познавательные концепции. Чертами современной историографии становятся междисциплинарность, использование методов других социальных наук, интерес к микроуровневым исследованиям, появление новых исторических субдисциплин. Одна из них – история женщин.

Казалось бы, тема женщин всегда присутствовала в исторической науке и есть ли основания выделять ее в отдельную субдисциплину?

Невозможно отрицать тот факт, что женщины всегда присутствовали в отечественной историографии. Даже при желании их было бы трудно обойти в работах о быте, обрядности, брачных и семейных традициях русского народа – темах,¹ которые активно изучались историками и этнографами в начале 19 века и в 50-х годах того же века, в период нового всплеска интереса к русской народности. Именно в это время, по словам А.Амфитеатрова, этнографы искали «народности географической и сословной», но по пути открыли «женщину низших русских классов, забытую чуть ли не с вечных времен».² Иногда историки обращались и к судьбам женщин высшего сословия,³ сыгравших заметные роли в политических событиях.

Но только в последние годы, в последнее десятилетие, многим историкам стало очевидно, что в рамках традиционной историографии, изучающей политику, экономику, официальную культуру, которую сегодня мы бы обозначили как политическую историю, женщинам отводилось и отводится место общего фона, «молчаливого большинства», существование которого всем

¹ Лешков В.Н. О семейных правах римлян, германцев и славян. СПб., 1838; Погодин М.П. Частная жизнь князей в Древней Руси до нашествия татар. // Москвитянин. 1853, № 11, с. 65-96; Церетелев Н. О свадебном обряде. // Труды Вольного общества любителей российской словесности. СПб., 1822; Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI-XVII вв. // М., 1869;
² Амфитеатров А. Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907, с. 40.

очевидно, но которое не имеет своего голоса и которое не вписано в историческое полотно.

Женское бытие, женское бытование не включено в «историческую реальность», сконструированную по законам традиционной историографии. В ней женщины предстают либо как исключение (образ той же Марфы Борецкой), либо рассматриваются по отношению к мужчине (в темах семьи и быта).⁴

Сделать женщину «видимой» в историческом процессе, в «исторической реальности» оказалось совсем не просто. «Добавить женщин в историю», то есть включить их имена (по большей части, неизвестные) в традиционную схему исторического повествования оказалось на практике задачей труднодостижимой. Господствующий академический дискурс отторгает женскую составляющую исторической конструкции.

Попытки 1990-х гг. «осмыслить» женщину в истории презентуют новую историческую субдисциплину - *историю женщин*, которая переключает внимание исследователя на новый объект - женщину, и на новый предмет исследований – женский опыт, женские социальные практики, женское бытие, женские сферы и каналы влияния, и на более глобальные темы, такие как система властных иерархий в обществе и в семье.

Безусловно, исследовательская практика 1990-х годов - не первая в отечественной историографии попытка «осмыслить женщину».

И если под *историей женщин* понимать новую исследовательскую стратегию, новую методологию, определяющую женщин в качестве объекта исследования, и если одновременно с тем понимать под ней - по мере накопления сфокусированных на женщине исторических исследований - формирование отдельного направления в историографии, то начало истории женщин следует искать в середине 19 века.

1. Этапы развития истории женщин в отечественной историографии.

1.1. Досоветский период.

³ Карамзин Н.М. Марфа Посадница или покорение Новгорода. СПб., 1802.

⁴ Костомаров Н.М. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1887; Платонов И. Браки и многоженство в Древней Руси. // Сын Отечества, 1831, № 15; Иловайский Д.И. Екатерина Романовна Дашкова. // Отечественные записки. 1859, т. 126.

Именно в середине 19 века женщина впервые становится объектом исторического исследования и впервые была предпринята попытка изменить исследовательскую стратегию по отношению к женской теме. Общественная дискуссия 1860-х гг. по поводу «женского вопроса», новые социальные практики женщин, формирование женского движения сделали актуальной тему исторического прошлого русской женщины, заставили исследователей обратиться к проблеме роли и значения женщины в истории России. Появилась необходимость в знаниях о женщинах, вырос спрос на «женскую» тему. И сторонники, и противники женской эмансипации искали аргументацию своих позиций в историческом прошлом, что послужило толчком к развитию истории женщин. Историки, этнографы, историки литературы, юристы, публицисты и литературные критики активно взялись за разработку женской темы в истории.⁵

Именно тогда произошла смена исследовательской парадигмы. Эпистемологическим основанием этих исследований выступила концепция либерализма, с ее основополагающими идеями о равных правах и свободах личности, о развитии демократических институтов, правового государства и гражданского общества.

Исследовательская задача была обозначена как поиск женщин в отечественной истории.

Работы Шульгина В.Я.,⁶ Забелина И.Е.,⁷ Мордовцева Д.Л.,⁸ Михневича В.О.,⁹ Шашкова С.С.¹⁰ и др. можно представить первым профессиональным

⁵ См., напр., Афанасьев А.Н. Литературные труды княгини Е.Р.Дашковой. // Отечественные записки. 1860, т. 126, с. 181-218; Буслаев Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси. // Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 2, с. 238-268; Веселовский А. Из истории развития личности: Женщина и старинные теории любви. // Беседа. 1872, № 3, с. 245-299; Ешевский С.В. Царствование Елизаветы Петровны. // Отечественные записки. 1868, № 5-7; Ефименко А.Я. Крестьянская женщина. // Дело. 1873, № 2; Забелин И.Е. Женщина по понятиям старинных книжников. // Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872; Михневич В.О. Женское правление и его противники. // Исторический вестник, 1882, № 2, с. 261-271; Шашков С.С. История русской женщины. СПб., 1879; Шапов А.П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России. // Шапов А.П. Соч. СПб., 1906, т. 2, с. 55-101; Харламов И. Женщины в русской семье. // Русское богатство. 1880, № 3, с. 59-107; № 4, с. 57-111; Шульгин В.Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850;

⁶ Шульгин В.Я. О состоянии женщины в России до Петра Великого. Киев, 1850.

⁷ Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI-XVII вв. // Соч. в 2 тт. Т.2, М., 1872; Женщина по понятиям старинных книжников. // Опыт изучения русских древностей и истории. М., 1872.

⁸ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3 тт. СПб., 1874.

⁹ Михневич В.О. Русская женщины XVIII столетия. Исторические этюды. Киев-Харьков. 1895.

обращением к теме с позиций определения роли женщин в историческом и культурном развитии общества. Конечно, эта была презентация «мужского» взгляда, но другого и быть не могло.

Объектом этих исследований второй половины XIX столетия стала именно женщина, а предметом – место женщины в историческом процессе, ее влияние на социальные, культурные, политические и экономические сферы жизнедеятельности общества.

Эти работы пользовались популярностью у читающей публики, также активно включившейся в процесс обсуждения «женского вопроса».

Пафос обнаружения женщин в истории и сохранения их имен был характерен для работ многих историков тех лет, например, для Д.Л. Мордовцева,¹¹ опубликовавшего несколько томов с исследованиями женских биографий. Тема жизнеописаний «исторических женщин» стала одной из самых популярных.

Другой историк того же времени - В.О. Михневич – не только выявлял «новые» имена «исторических женщин», но и реконструировал типы «исторических» женщин через изучение и описание их социальных ролей. Так, он описал несколько типов женщины XVIII столетия: хозяйка и помещица, артистка, ученая, писательница, благотворительница.¹²

Д.Л.Мордовцев пошел дальше и предложил новую исследовательскую стратегию - увидеть историческую эпоху через роль в ней женщины. Другими словами, он предложил *новую методологию*. По этому поводу он писал, что «история русской женщины не только пополняет собой русскую историю вообще, но и уясняет ее более, чем вся сумма прочих исторических материалов»,¹³ «<...> почти каждая женщина, так или иначе выдвигавшаяся из ряда личностей, не замечаемых и не сохраняемых историей, является таким

¹⁰ Шашков С.С. Исторические судьбы женщины. Детоубийство и проституция. СПб., 1871; Очерк истории русской женщины. СПб., 1972; История русской женщины. СПб., 1979.

¹¹ Мордовцев Д.Л. Русские женщины Нового времени: биографические очерки из русской истории. В 3 тт. СПб., 1874; Мордовцев Д.Л. Русские исторические женщины: Популярные рассказы из русской истории. В 3-х тт. СПб., 1874.

¹² Михневич В. Замечательные русские женщины. Мария Савишна Перекусихина. // Исторический вестник. 1899, т. 75, № 1, с. 96-117; Михневич В. Русская женщина XVIII столетия (Хозяйка и помещица). // Женское образование. № 2, с. 77-89; Михневич В. Русская женщина XVIII столетия (Писательница и ученая). // Женское образование. № 4, с. 227-246; Михневич В. Русская женщина XVIII столетия (Артистка). // Женское образование. № 5, с. 377-395; Михневич В. Русская женщина XVIII столетия (Благотворительница). // Женское образование. № 8, с. 513-528.

хорошо отполированным историческим рефректором, в котором можно видеть если не всю современную ей эпоху, то, по малой мере, самые характеристические ее стороны, потребности, стремления».¹⁴ Помимо заявленного нового исследовательского подхода, в размышлениях историка присутствует уже фиксация двух важных фактов - различения «истории русской женщины» и «русской истории вообще» и факта не сохранения женских имен в исторической науке.

Принципиально новый этап в исследовании женщин наступил с вхождением в историческую науку женщин. Женщина перестала быть только объектом исследований, но стала и активным субъектом процесса создания "нового" знания в истории, представляющей «женский» взгляд в историографии.

И российское женское движение, и сменившее его в начале XX века феминистское движение первой волны - оба выступили инициаторами и социальными заказчиками исследований роли женщин в истории. Феминистская критика подвергла сомнению достоверность и научность концепций, прежде всего биологических, на базе которых строились исследования. В итоге, тема исторического прошлого женщин, ставшая уже традиционной, получила новой звучание.

Исследовательская задача обновилась. История женщин стала развиваться в новом направлении – в сторону поиска истоков и причин гендерного неравенства. Постановки проблем и идеология работ изменилась.

Стоит ли говорить, что новая постановка вопроса изменила вектор и мужских исследований в сфере женской истории. Темы прав женщин, их социальная активность, новые социальные роли, влияние на жизнь общества стали предметами исследований мужчин-историков.¹⁵

Безусловно, было бы заведомым упрощением представлять, что все женщины-историки стояли на позициях осознания гендерного неравенства и артикулировали в своих трудах эту позицию.

¹³ Мордовцев Д.Л. Русские женщины нового времени. В 3-х тт. СПб., 1874, т. 2, с. IX.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См., напр., Глинский Б.Б. Расширение образовательных прав женщин. // Очерки русского прогресса, СПб., 1900; Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи: Два этюда по женскому вопросу. М., 1905; Кечерджи-Шаповалов М.В. К свободе: Этюд по женскому вопросу. СПб., 1905; Амфитеатров А.В. Женщина в общественных движениях России. СПб., 1907; Котряревский Н.А. Очерк из истории общественных настроений 60-х гг.: Женский вопрос в его первой постановке. // Вестник Европы. 1914, № 2.

К тому же следует заметить, что женщин - профессиональных историков, да еще признанных своим «цеховым» сообществом, в конце 19 века практически не было, за исключением, пожалуй, А.Я.Ефименко. Имена других женщин-историков либо были не известны ни широкой публике, ни в научных кругах, либо появились позже и, что характерно, на страницах женских журналов. Уделом многих женщин в исторической науке в конце 19 века была «историческая поденщина» - невидимая и трудоемкая, но неплохо оплачиваемая работа на профессиональных историков.

Так, Н.А.Белозерская была домашним секретарем историка Н.И.Костомарова: подбирала литературу, делала выписки в Публичной библиотеке. Переводила Н.А.Белозерская также исторические романы для «Исторического вестника», писала за Д.Л.Мордовцева рецензии в «Древней и Новой России». Причина согласия на безызвестность одна – отсутствие легальной возможности зарабатывать себе на жизнь профессиональным и интеллектуальным трудом. Об этом Н.А.Белозерская прямо пишет в своих воспоминаниях: «Д.Л.Мордовцев, с которым я познакомилась у Костомарова, предложил мне писать рецензии для «Древней и Новой России», издававшейся под редакцией С.Н.Шубинского, добавив, что работу мою будет выдавать за свою, потому что не примут иначе – я женщина, и это первый случай... Придумал он мне и псевдоним: Б. Гнв (без гнева) и для разбора привез книгу «Памятник протекших времен» А.Т.Болотова, - объяснил как писать и что требуется. <...> Я согласилась, потому что другой работы не было».¹⁶

Но, получив исследовательский опыт, та же Белозерская начала разрабатывать женскую тему в истории, делая объектом исследования женщин. В русле исследовательской традиции того времени она создала портреты «исторических женщин» - М. Волконской, княгини Ливен, Екатерины I и других, исследовала положение женщин в разные исторические эпохи.¹⁷

По вышеназванным причинам «женские исследования» в истории в исполнении женщин-историков появились позднее, чем мужские. Женскую

¹⁶ Белозерская Н.А. (Надежда Александровна Белозерская, урожденная Гень) Автобиография. // Исторический вестник. 1913, июнь, с. 933.

¹⁷ Белозерская Н.А. Княгиня Зинаида Александровна Волконская. // Исторический вестник. 1897, март-апрель; Ее же: Княгиня Д.Х.Ливен. // Исторический вестник. 1898, март; Женский вопрос. Исторические очерки. // Женское дело. 1899, № 1, с. 3-23; № 2, с. 27-49; № 3, с. 24-41; № 5, с. 59-82; Женщина в Греции. // Женское дело. 1899, № 1, 2; Римлянки. // Женское дело. 1900, № 2-3; Происхождение императрицы Екатерины I. // Исторический вестник. 1902, № 1

историю создавали женщины одного круга, одной малой социальной группы – образованные женщины «наших средних классов», по выражению П.Ткачева, самостоятельно зарабатывающие себе на жизнь профессиональным трудом – литературные работники, журналистки, педагоги.

От первых любительских изысканий в истории, публицистических и популярных работ до появления в начале XX века исследований монографического характера, опиравшихся на специальные исследования и отражавших мировоззренческие установки авторов – таков путь развития женской истории усилиями женщин.

В качестве примера можно вспомнить автора фундаментального исследования по женскому образованию Е.О.Лихачеву,¹⁸ историка российского женского движения Е.Н Щепкину,¹⁹ статистика и историка М.К.Горбунову, профессора истории А.Я. Ефименко, разрабатывавшую тему русской крестьянки.²⁰

Практически все женщины-историки были участницами женского движения. Фактор женского движения повлиял на развитие «истории женщин» как направления в традиционной историографии не только по причине участия в нем женщин-историков, но и по причине определения нового предмета исследований, новых направлений и тем; по причине иного духа и идеологии работ.

Тенденция развития «женских исследований» («women's studies» первой волны) силами активисток феминистского движения первой волны, проявившаяся в Западной Европе, повторилась и в России.

Писали историю женщин и активистки, и лидеры женского движения, осмысляя феномен движения, причины, его породившие, и мотивацию своего участия в нем. А.Н.Шабанова, врач и председательница Русского Взаимно-

¹⁸ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). СПб., 1899; Материалы для истории женского образования в России (1856-1880). СПб., 1901; Материалы для истории женского образования в России. В 3-х кн. Кн. 1 (1086-1796). СПб., 1890. Кн.2 (1796-1828) СПб., 1893. Кн. 3 (1828-1856) СПб., 1895.

¹⁹ Щепкина Е.Н. Женское население Петербурга. // Образование. 1897, № 5; Женское движение в России в 1905 г. в отзывах современных деятелей. СПб., 1906; Женская личность в старой русской журналистике. // Журнал министерства народного просвещения. 1911, № 6; Женщины в русских университетах. // Вестник Европы. 1912, № 9; Деятельность, окончивших Высшие женские курсы. // Вестник Европы. 1913, № 8; Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб, 1914; Женское движение в годы Французской революции. Пб., 1921.

²⁰ Ефименко А.Я. Крестьянская женщина. // Дело. 1873, № 2; Народные юридические воззрения на брак. // Знание. 1874, № 1.

благотворительного общества, писала историю женского врачебного образования и российского женского движения²¹. А.М.Евреина, доктор права, активная участница движения, создавала историю развития женских прав и законодательства в отношении женщин.²² Н.Мирович, член Центрального Бюро Союза равноправия женщин, разрабатывала тему английского суфражизма и российского феминизма. А.В.Тыркова, писательница и журналистка, член Всероссийской Лиги равноправия женщин и партии кадетов, создала фундаментальное жизнеописание А.П.Философовой, одной из основательниц женского движения России.²³

Таким образом, женская история как практика написания истории женщинами о женщинах²⁴ зародилась в конце XIX века и развивались как когнитивная практика движения, востребованная и поддержанная им. Результаты исторических исследований, так же как и результаты всех «женских исследований», а развивались они тогда в литературе,²⁵ политике,²⁶

²¹ Шабанова А.Н. Женские врачебные курсы. // Вестник Европы, 1886, № 1; Из первых лет женского медицинского образования в России. // К свету. Научно-лит. Сб. СПб., 1904; Очерк женского движения в России. СПб., 1912.

²² Евреина А.М. Краткий очерк прав женщин в семье. // Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905.

²³ Тыркова А.В. А.П.Философова и ее время. Пг., 1915.

²⁴ См., напр., Горбунова М.К. Положение женщин в средние века в Западной Европе. // Друг женщин. 1883, № 2, с. 56-68; № 3, с. 80-96; Евреина А.М. Краткий очерк прав женщин в семье. // Первый женский календарь на 1905 г. СПб., 1905; Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России (1086-1856). СПб., 1899; Ее же: Материалы для истории женского образования в России (1856-1880). СПб., 1901; Материалы для истории женского образования в России. В 3-х кн. Кн. 1 (1086-1796). СПб., 1890. Кн.2 (1796-1828) СПб., 1893. Кн. 3 (1828-1856) СПб., 1895; Щепкина Е.Н. Воспоминания и дневники русских женщин. // Исторический вестник. 1914, № 8, с. 536-555; Щепкина Е.Н. Женское население Петербурга. // Образование, 1897, № 5-6, с. 218-232; Щепкина Е.Н. Женщины в русских университетах. // Вестник Европы. 1912, № 9, с. 362-377; Щепкина Е.Н. Из истории женской личности в России. Лекции и статьи. СПб., 1914; Щепкина Е.Н. Женское движение в годы Французской революции. Пб., 1921.

²⁵ См., напр., Лухманова Н. Женщина как объект литературы. // Спутник женщин. Настольная книга для женщин под редакцией Н.А.Лухмановой. СПб., 1898, с. 36-43; Цебрикова М.К. Русские женщины-писательницы. // Неделя. 1876, № 13-14, с. 430-443; № 21-22; Щепкина Е. Женская личность в старой русской журналистике. // Журнал Министерства народного просвещения. 1912, № 7, отд.2, с. 80-119; Щепкина Е.Н. Дамские и модные журналы былых времен. Библиографическая заметка. // Союз женщин. 1909, № 5-6, с. 24-26; Щепкина Е.Н. Женские типы Пушкина. // Вестник Европы. 1911, № 6; Щепкина Е.Н. Литература о женщинах. // Союз женщин. 1909, № 7-8, с. 9-12; Чебышева-Дмитриева Е. Русская женщина в изящной литературе и журналистике. // Женское дело. 1900, № 8-9; Янчевская М.М. Женщины у Вейнингера. СПб., 1909.

²⁶ См., напр., Вахтина М.Л. Роль женщины в исторической революции и другие доклады. СПб., 1911; Исполова С. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя. Изд. 2-ое (доп). М. 1917; Клирикова О.Н. Женская культура. СПб., 1909; Кальманович А.А. Конечная цель женского движения. // Союз женщин. 1908, № 19, с. 3-7; Чеботаревская А. Женщины настоящего и будущего. СПб., 1909; Чего ждет русская женщина. Доклады, читанные на

экономике,²⁷ - осмыслились участницами движения и встраивались в его практики.

Участницы российского женского движения хорошо понимали смысл и цели подобных научных изысканий, так как они являлись одними из самых образованных женщин своего времени.

Даже те немногие женщины, которые сумели сделать профессиональную карьеру в науке и которые не занимались только «женскими» темами в истории, считали своим солидарным долгом участвовать в акциях женского движения. Примером может служить историк А.Я.Ефименко, работавшая по организации общества трудовой помощи женщинам и, вероятно, принимавшая участие еще в каких-то женских акциях, о которых мы ничего не знаем, но за что курсистки Высших Женских Бестужевских Курсов преподнесли ей почетный адрес как участнице женского движения в день празднования юбилея ее 40-летней профессиональной деятельности.

Одной из исторических тем, актуализированных движением на рубеже веков, стала тема причин и истоков гендерного неравенства, подчинения и дискриминации женщин. Огромное количество работ в поисках начал этого неравенства начиналось с обзора предшествующих веков, буквально с первобытнообщинного общества. Неравенство женщин выступало предметом исследований и категорией анализа, демонстрировались попытки переосмыслить традиционное разделение половых ролей и обсудить возможные изменения ролей обоих полов в обществе. "Пол" выступил ключевым инструментом социально-исторической детерминации.

Другой актуальной темой стала тема женского труда. Развитие этой темы, начиная с работ М.Вернадской²⁸ в 50-х гг. XIX века, заканчивая лекцией

публичном собрании, организованном Всероссийской Лигой Равноправия Женщин 18 ноября 1916 г. Пг., Из-ние Всероссийской Лиги Равноправия Женщин, 1917.

²⁷ Булгакова Е.И. Страничка из жизни киевских работниц. Киевское отд. Российского общества защиты женщин. Киев, 1906; Пальчинская Н. Женский труд в Англии. Впечатление от франко-британской выставки. // Союз женщин. 1908, № 9, с. 13-16; Пальчинская Н. Участие женщин в движении безработных в Англии. // Союз женщин. 1909, № 2, с. 3-9; Пружанская М.О. Материалы для истории медицинского прошлого женщины. // Медицинское обозрение. 1883, т. XX, июль, с. 126-136; т. XX, октябрь, с. 561-589; Сольская Ольга. Работница и страхование. СПб., 2-е изд., 1913; Турже-Туржанская Е. Белые невольники. (Домашняя прислуга в России). Смоленск, 1906; Тыркова А. Женский труд и проституция. // Русская мысль. 1910, № 6.

²⁸ Вернадская М.Н. Женский труд. / Экономический указатель. 1858, Вып. 8 (60); Аристократический труд; Еще раз о женском труде; Свобода выбора труда. // Собр. соч. покойной М.Н.Вернадской, урожденной Шигаевой. СПб., 1862.

А.Коллонтай²⁹ в 20-х гг. XX века, задали направление анализу позиций женщин в сфере труда как практике женского освобождения.

Вообще связь становления *истории женщин* как направления в российской историографии и развитие женского движения России – бесспорный факт. Именно женское движение сделало видимыми проблемы женщин, поставило их на повестку дня российской общественности и академического сообщества, выступило социальным заказчиком исторических исследований о женщинах, прямо и косвенно стимулируя и поддерживая исследователей и исследовательниц, предоставляя для публикаций страницы женских журналов.

«Открытие» женщин в культуре, искусстве, политике прошлого, внимание к достижениям современниц онтологически были связаны с задачей изменения положения женщины в сторону их равного статуса. При этом признание особой женской сущности (т.е. эссенциалистское основание), звучавшее в женских исследованиях, вызывало проблемы в постановке вопроса о равенстве полов и давало толчок к различным интерпретациям проблемы равенства, что неизбежно сказалось на развитии идеологии российского феминизма и оформлении его различных направлений.

Подтверждением этих слов выступает тот факт, что словосочетание «история женщин» как термин, обозначающий направление в исторической науке, появился и осмыслялся именно на страницах женских, а не исторических журналов. «История женщин есть существенная часть общей истории человечества» - писал в историографическом обзоре В.Смирнов.³⁰ «Очерки жизни и деятельности исторических женщин разных эпох и разных народностей <...> служат хорошей иллюстрацией к истории женщин» <...> расположенные в хронологическом порядке эти характеристики (деятельности женщин) дают понятие о некоторых эпохах в истории женщин».³¹ Таким образом, в данном обзоре история женщин рассматривается уже как субдисциплина, с присущей ей периодизацией – «эпохи истории женщин».

Трудно говорить о степени влияния этих исследований на научный дискурс того времени, вряд ли он был значимым, но совершенно очевидно, что на политический дискурс он оказал влияние. На «женскую» тему стали

²⁹ Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909; Труд женщины в эволюции хозяйства: лекции, читанные в Университете им. Я.М.Свердлова. М., Пг., 1923.

³⁰ Смирнов В. Исторические женщины по Шерру. // Друг женщин. 1883, № 3, с. 65.

ориентироваться партии, начали читаться лекционные курсы (например, лекции А.В.Амфитеатрова в Русской Школе Социальных наук в Париже).³²

1.2. Советский период.

В Советское время методологией исторических исследований выступил марксизм-ленинизм. Базовое для марксизма понятие «класса» никак не коррелировало с гендерной составляющей социальных процессов и социальных институтов, и потому женщины, с позиций марксизма, не представляли собой значимой социальной группы. Общая практика рассмотрения всех социальных проблем через призму экономических отношений и классовой борьбы распространилась и на женскую проблематику.

Классовый подход в исследовании «женского вопроса» был применен еще А.М.Коллонтай в книге «Социальные основы женского вопроса».³³ Книга, написанная наспех в сугубо политических целях – Коллонтай хотела приурочить ее выпуск к открытию Первого Всероссийского женского съезда, созываемого феминистками и тем самым продемонстрировать позицию социал-демократов, - определила основные подходы к исследованию женской темы в советской науке последующих лет.

Базовой позицией при анализе «женского вопроса» стал классовый подход. Так, Коллонтай писала, что корни «женского вопроса» глубоко зарыты в экономике. А ее фраза из выступления на том же съезде, что «женский мир, как и мир мужской разделен на два лагеря <...> буржуазный и пролетарский»³⁴, стала крылатой и зафиксировала общую тенденцию рассмотрения «женского вопроса» жестко сквозь призму экономики и классового антагонизма. Этот подход стал обязательной нормой для исторических исследований. С одной стороны, Коллонтай продолжила традицию классовой интерпретации «женского вопроса», заложенной еще Ф.Энгельсом и А. Бебелем. С другой стороны, она внесла некие новшества, национальные особенности в развитие этой темы.

Так, обязательными составляющими исследований «женской» темы, женского движения стало преувеличение роли политической активности

³¹ Там же, с. 66.

³² Амфитеатров А.В. Заря русской женщины: Вступит. слово в Русской Школе Социальных Наук в Париже. // Всемирный вестник. 1907, № 1.

³³ Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб., 1909.

женщин-пролетарок, антифеминизм и игнорирование гендерных проблем внутри самого рабочего движения, что накладывало на исследователя жесткие ограничения в его работе над темой.

Все эти ограничения сыграли свою печальную роль. Интерес к женской теме, не имеющей статуса самостоятельной, стал неизбежно угасать. Женская проблематика в истории надолго стала рассматриваться как непрестижная, «недиссертабельная», одним словом, как «узкотемье».

Нельзя сказать, что этот процесс не был замечен. «Непонятно нам, - писали работницы Сталину в 1934 году - почему это в книгах по истории нашей революции так мало рассказывают о работницах, а вот мы все 200 человек, что собрались, для того чтобы тебе письмо написать <...>». ³⁵ Думаю, что это письмо – отзвук советского феминизма 1920- годов, приучившего самые широкие слои женщин отстаивать интересы своей социальной группы. Но время для феминистской рефлексии по поводу историографических проблем прошло.

Тем не менее, и в советское время в исторической науке находились энтузиасты, которые исследовали статусы и права женщин, изучали формы политического участия женщин и т.д. Эти работы сегодня, вкуче с исследованиями XIX и начала XX вв., составляют отечественную историю женщин.

В целом, в исторических работах советского времени, посвященных женщинам, мы можем наблюдать тенденцию подмены предмета исследования: имеет место не изучение женского опыта, жизненных стратегий, достижений, не анализ процессов влияния женщин/женского на культурно-политический контекст эпохи, но прославление социалистического строя. Женщины оказались удобным поводом для власти презентовать саму себя как решающую и решившую «женский вопрос». ³⁶

Представляется, что подобные работы – результат социального заказа власти, которая осознала выгоды использования женского элемента в строительстве социализма и использовала историю в своих манипулятивных

³⁴ Коллонтай А.М. Женщины-работницы в современном мире. // Труды первого Всероссийского женского съезда. СПб., 1908.

³⁵ Письмо старых ленинградских работниц тов. Сталину. Ленпартиздат, 1934, с. 5.

³⁶ Бильшай В.Л. Советская демократия и равноправие женщин в СССР. М., 1948; Решение женского вопроса в СССР. М., 1959; Белова В.С. Решение женского вопроса в СССР. М., 1975; Ткаченко В.М. Опыт решения женского вопроса в СССР. Минск, 1975; Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР. М., 1978.

целях. Интересно, что на этом этапе истории женщин изменились не только концепция, темы исторических повествований о женщинах, но и их язык, стиль, терминология.

Первое, что бросается в глаза в работах советского времени – это маркированная несамостоятельность женщин, определение женщины как объекта воздействия, декларированная уже в названиях исторических работ. Названия типа «Деятельность КПСС по вовлечению женщин в ...», «Использование женского труда» и т.п. были широко распространены.³⁷ «Объектность» и «ведомость» женщин демонстрировалась в этих трудах без какой бы то ни было рефлексии.

Интересно, что политически активные и самостоятельные женщины, которых трудно описать в терминах «объектности», такие как, скажем, А.М.Коллонтай, исчезают из исторических работ. Также исчезли деятельницы российского женского движения, «равноправки» – русские феминистки первой волны. Причина, на мой взгляд, кроется и в методологии, и в идеологии, и в общем контексте исторических исследований того времени, с их обязательной определяющей руководящей роли партии. Партия при этом рассматривалась как внегендерная категория.

Позднее, наряду с идеологизированными работами стали появляться и такие, в которых женщины рассматривались как полноценная социальная сила, субъект социальных изменений. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась на рубеже 1970-1980-х гг.

Появление в конце 1970-х - начале 1980-х годов монографических исследований зарубежных ученых, сделанных на российском материале³⁸, в определенном смысле было вызовом советским исследователям. Ответом стали работы Г.А.Тишкина, Э.А.Павлюченко. Н.Л.Пушкаревой.³⁹

³⁷ Сердитова С.Н. Большевики в борьбе за женские пролетарские массы (1903-1917). М., 1959; Конкина Е.И. Деятельность большевиков по вовлечению женщин-работниц в массовое революционное движение 1910-1914 гг. Дисс...к.и.н. М., 1974; Денисов А.Г. Деятельность большевистской партии по развитию пролетарского женского движения в России. Дисс...к.и.н. М., 1977; Михайлюк В.Б. Использование женского труда в народном хозяйстве. М., 1970.

³⁸ Напр., Stites, Richrd. 1978. The Women's Liberation Movement in Russia. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

³⁹ Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50-60-е годы XIX века. Л., 1984; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

Осмысление женщин в историографии снова вернулось к осознанию значимости самостоятельного женского выбора и самостоятельной деятельности для социальных изменений в разные исторические эпохи.⁴⁰ Тем самым догмы о бесправии женщин в дореволюционную эпоху на протяжении всей их многовековой истории были подвергнуты сомнению. Вместе с тем, и достижения советских лет представляли не такими уж масштабными.

Исследовательская задача, поставленная отечественными историками, так же, как и в западной историографии того времени, фокусировалась на проблеме включения женщин в «большую» историю, переосмысления их ролей, влияния женщин на развитие общества.

Таким образом, процесс, развивавшийся в советской историографии, хотя и с некоторым опозданием и с иной подоплекой, совпал с тенденциями западной исторической науки. И здесь я не соглашусь с позицией Н.Л.Пушкаревой, которая пишет, что обращение отечественной историографии к женской истории на уровне концептуального обобщения, началось в те же годы, что и за рубежом, и совпадает по своим исследовательским задачам.⁴¹

На мой взгляд, отечественная историография стартовала позднее и на других идеологических и методологических основаниях.

Общеизвестно, что в Западной Европе и США толчком к развитию истории женщин в конце 1960 - начале 1970-х гг. послужил подъем второй волны феминизма. В отечественной историографии в новый всплеск интереса к женской теме пришелся на рубеж 1970-1980 годов. Процесс моделировался путем освоения новых тем, привлечения неизвестных и неиспользуемых исторических источников и был ответом на вызов зарубежных исследователей, плодотворно, эффективно и даже, я бы сказала, эффектно работавших на российском материале. Вспомним, что в 1978 г. уже вышла книга Р.Стайтса⁴² о российском женском движении, а следом - книги Линды Эдмондсон,⁴³ Барбары

⁴⁰ См. Тишкин Г.А. Женский вопрос в России: 50-60-е годы XIX века. Л., 1984; Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. От Марии Волконской до Веры Фигнер. М., 1988; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989.

⁴¹ Пушкарева Н.Л. История, итоги и перспективы институализации women's & gender studies в российской исторической науке. // Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000, с. 21.

⁴² Stites, Richrd. 1978. The Women's Liberation Movement in Russia . Princeton, NJ: Princeton Univ. Press.

⁴³ Edmondson, Linda H. 1984. Feminism in Russia, 1900-1917. Stanford, Calif, Stanford Univ. Press.

Энгл,⁴⁴ также работавших на русском материале. Не умаляя высокого профессионализма и колоссальных трудозатрат этих исследователей, хочу заметить, что успешность их научных карьер в какой-то степени была предопределена фактом обращения к абсолютно неизвестным страницам российской истории, что сделало их безусловными первооткрывателями в изучении российских женщин и женского движения XIX – начала XX вв.

Если исследовательской сверхзадачей зарубежных исследователей было изучение сложившихся отношений господства - подчинения между мужчинами и женщинами в патриархатном российском обществе, а также изучение женского сопротивления, практики отстаивания своих прав, и все они, так или иначе, несли в себе дух феминистской идеологии, то в работах советских историков того времени подобной рефлексии нет.

Представляется, что исследовательской сверхзадачей советских историков было «вписание» женщин, женских жизненных практик в большую Историю и тем самым открытие еще одной страницы «всеобщей» истории.

Так, книга Г.А.Тишкина презентует новую для советской историографии тему женского движения, вводя в научный оборот значительное количество неизвестных до того времени исторических источников. Э.А.Павлюченко «вписывает» женщин в историю освободительного движения. Н.Л.Пушкарева разрабатывает совершенно неисследованную тему женщин доиндустриальной России, сильно «пододвинув» тезис о полной бесправности и униженности женщин в досоциалистических формациях.

В работах Н.Л.Пушкаревой, представительницы младшего поколения «историков женщин» призыва 1980-х годов, в имплицитном виде уже присутствует феминистская рефлексия. И, на мой взгляд, начиная именно с ее работ, можно говорить об отходе от описательной истории, построенной на марксистской методологии, и о повороте к новой истории женщин, основанной на иных методологических подходах, в том числе гендерных.

1.3. Постсоветский период.

⁴⁴ Engel, B. Alpern. 1986. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia. Cambridge; Engel, B.A. & Rosenthal C.N. (Eds). 1987. Five Sisters. Women against the Tsar. Boston.

Новое дыхание отечественная история женщин обрела в перестроечный и постперестроечный период в связи с ростом популярности женских и гендерных исследований. Возрастающее внимание к гендерной проблематике, увеличение числа конференций, тематических сборников, финансирование исследовательских проектов – все это привлекло внимание историков к женской теме. К сожалению, подходы, которые демонстрируются в работах этого периода, в подавляющем большинстве старые.

Источники, относящиеся к женской истории, слабо включены в научный оборот, поэтому многие авторы пишут свои работы на основе незначительного числа исследований советского времени, где осуществляется преимущественно традиционная классовая интерпретация исторических фактов. Зачастую эти работы содержат непроверенные и недостоверные факты, а иногда и просто «подогнанную» под классовую схему информацию.

К сожалению, многие профессиональные историки, включаясь в историю женщин, не осмысливают тот факт, что подобные исследования *по определению* предполагают значительную поисковую работу, требуют новых методологических подходов, новых исследовательских методов. Игнорирование этих слагаемых имеет своим результатом появление безликих, ничего не объясняющих работ, с множеством фактологических ошибок и неточностей. Построение своих исследований на основе идеологизированных работ советского времени, отсутствие обращения к первоисточникам приводят к тиражированию ошибок и подходов советского времени.

Складывается опасная ситуация - когда фактологическая ошибка, растиражированная в трудах историков, обретает силу исторического факта, а теоретический подход, к примеру, классовый, не осмысляясь критически, приобретает значение исследовательской традиции в женской истории.

К самым распространенным критически не осмысленным установкам в исследованиях по женской истории, на мой взгляд, относятся:

- «революционизация» деятельности женщин всех слоев населения и всех социальных групп, включая женщин высших социальных слоев;
- отсутствие анализа финансовой стороны женской активности и беспочвенное «фантазирование» на эту тему. Здесь наблюдается две тенденции – либо женщинам приписывается трата каких-то

немыслимых средств на «общее дело», и при этом данный тезис не сопровождается ссылкой на документальные источники, либо финансовый вопрос полностью игнорируется. И та, и другая позиции не вызывают ощущения достоверности и уверенности в качестве проведенной исторической реконструкции;

- определение «объектности» и несамостоятельности женщин;
- комплиментарность в отношении «исторических женщин», когда вместо добросовестного и тщательного исследования, авторы рассыпаются в комплиментах и любезностях «историческим женщинам».

II. Проблема институционализации женской и гендерной истории в современной отечественной историографии.

2.1. Предмет, методология, понятийный аппарат и направления истории женщин.

Дебаты о существовании, институализации женской и гендерной истории в российской историографии, в российском высшем историческом образовании – вялотекущий процесс последних лет в узком профессиональном сообществе историков, преимущественно женщин, работающих в этой сфере. Хотя в последнее время наблюдается рост рядов дискуссионщиков за счет исследователей-мужчин.

Дискуссия о проблемах институционализации истории женщин - необходимая составная часть этого процесса, способ его актуализации и фактор развития.

Любая новая научная область знания в процессе становления проходит следующие этапы:

- определение статуса нового знания и его места в рамках уже сложившихся научных дисциплин;
- формулирование объекта и предмета области знания;
- формулировка задач нового направления научного знания;
- определение методологии(й) научного познания;
- формирование понятийного аппарата;
- определение методов теоретического и эмпирического исследования;

- определение основных направлений новой научной дисциплины.
- накопление исследовательской базы: статей, исследований, монографий;

Что касается статуса истории женщин и гендерной истории, их места в системе сложившихся научных дисциплин, то по этому вопросу существуют различные мнения. В то время как российские историки видят в них исторические субдисциплины, историк из Белоруссии И.Р.Чикалова определяет женскую и гендерную историю как субдисциплины гендерных исследований.⁴⁵ И та, и другая позиции обоснованны, имеют право на существование и только подчеркивают междисциплинарный характер женской и гендерной проблематики.

Проблема определения объекта и предмета новой области знания находит свое отражение и в терминологических разногласиях по поводу ее названия. «Женская история», «история женщин» или «историческая феминология»? Вот спектр предлагаемых и употребляемых названий.

В большинстве своем российские исследователи разделяют ту точку зрения, что объект истории женщин/ женской истории (употребляются как синонимы) или исторической феминологии составляет «женщина» (у некоторых авторов «женщина» определяется как предмет), а объект гендерной истории – оба пола.

В отношении истории женщин следует заметить, что хотя русский язык позволяет различать термины «женская история» и «история женщин» по смыслу, заложенным в англоязычном понятии «women's history», которое по-разному понимается в зависимости от контекста, в отечественной практике эти термины используются как синонимы.

«История женщин» в зарубежной исторической науке началась с признания того факта, что вся предыдущая историография по сути своей являлась историей мужчин.

Термин «женская история» отражает ту идею, что вся мировая историография, кроме того, еще презентует «мужской взгляд», основываясь на представлениях мужчин и видении ими исторического процесса, ибо писалась она, по крайней мере до конца 19 века, одними мужчинами.

⁴⁵ Чикалова И.Р. Субдисциплины гендерных исследований: женская и гендерная история. // Иной взгляд. Междисциплинарный альманах гендерных исследований, 2002, с. 25-28.

Тем самым «женская история» дистанцировалась от традиционной историографии - «мужской истории», в которой «женщина», «женское» звучит как тема, но не как исследовательская позиция. История женщин презентует этот «женский взгляд», поэтому она идеологически и методологически принципиально отличается от «всеобщей», «универсальной» истории и с самого начала открыто и осознанно политизирована.

Подобная постановка вопроса – не только феминистская рефлексия. Эта установка имеет практический результат - критическое отношение к источникам - и предполагает при создании «женской истории» интенсивную работу по поиску новых источников и пере-прочтение старых, уже введенных в научный оборот. В свою очередь, пере-прочтение источников возможно только на основе другой идеологии, другой методологии и при использовании широкого спектра методов социальных наук.

Поскольку советские историки не были включены в дебаты зарубежных историков конца 1960-х - начала 1970-х гг. о восстановлении исторической справедливости в отношении женщин, о включении их в историю, о «мужских» и «женских» интерпретациях истории, то эти тонкости остались вне поля зрения и современных российских историков. Употребление, в связи с этим, терминов «история женщин» и «женская история» как синонимов – практика становления отечественной истории женщин.

При двояком прочтении термина «women's history» становится видимой взаимосвязь академической науки с феминистским движением второй волны, заявившем о себе в конце 1960- начале 1970-х гг. в Западной Европе и США и спровоцировавшим рождение истории женщин.

По сути дела, это был прямой заказ движения. История женщин воплощала в себе пафос 1960-х гг. - изучение институтов господства, восстановление социальной справедливости... Она приняла идейную ориентацию общественных движений того времени, которые нуждались в историческом изучении и осмыслении форм и механизмов угнетения в прошлом для изменений современных институтов господства.

Познавательные задачи зарубежных историков-женщин строились на основе феминистской мысли, феминистской рефлексии, то есть на том, что отсутствовало в российской академической науке.

Ставить знак равенства между терминами «история женщин/ женская история», с одной стороны, и «историческая феминология» - с другой, на мой взгляд, не оправданно. Главный аргумент заключается в том, что термин «историческая феминология» не отражает сути научной дисциплины, так как в нем не заложена маркировка, в каком собственно качестве - социальном или биологическом - исследуется женщина. На мой взгляд, название «феминология» определяет объект исследования - женщину, но не его предмет. Не случайно феминологи переименовали себя в социальных феминологов, подчеркивая социальный аспект в своих исследованиях женщин, а кафедры феминологии - в кафедры социальной феминологии. Соответственно, и обозначение историков, работающих в рамках женской и гендерной истории, как «исторических феминологов» так же расплывчато и не точно. Специалист по женской истории или историк, работающий в рамках женской/ гендерной истории, - звучит не более тяжеловесно, но более корректно.

К проблеме определения предмета исследований истории женщин одни историки подходят очень серьезно и четко формулируют его, другие рассматривают его как нечто само собой разумеющееся.

Так, И.Р.Чикалова считает предметом истории женщин дальнейшее исследование темы неравенства, социального подавления, форм, методов и механизмов угнетения, то есть того, чем всегда занимались историки, но теперь уже в гендерном аспекте.

При кажущейся простоте перехода от исследований форм классового угнетения и неравенства к исследованиям гендерного угнетения и неравенства для совершения этого перехода потребовалось, ни много ни мало, изменение политических условий. В Западной Европе и США это случилось в конце 1960 - начале 1970-х гг.

И.Р.Чикалова замечает, что тема неравенства и подавления, дискриминации женщин в советской историографии замалчивалась.⁴⁶ Продолжая ее тезис, отмечу, что в нашей стране политические возможности, позволившие сформироваться женским исследованиям на основе феминистской идеологии и поднять темы гендерного неравенства и дискриминации по признаку пола, появились только в конце 1980- начале 1990-х годов.

⁴⁶ Там же.

В отечественной научной литературе встречается также и другое понимание истории женщин - как идеологической и методологической феминистской диверсии. В этой интерпретации история женщин оценивается по сугубо идеологическим параметрам. Так, петербургский историк М.Г.Муравьева понимает женскую историю как «однобокую феминистическую интерпретацию истории»,⁴⁷ «зашедшую в феминистический тупик как в плане методологии, так и в плане определяющих познавательных концепций <...>».⁴⁸

Гендерная история в ее схеме (на примере зарубежной историографии) рассматривается как выход из этого методологического тупика и как эффективное «противоядие» от крайностей марксистских и психоаналитических интерпретаций и как более адекватное средство исторического анализа».⁴⁹

Тезис о гендерной истории как контрреакции на «феминистическую» историю женщин, озвученный М.Г.Муравьевой, игнорирует тот факт, что женская история шла по пути постоянного обновления своей методологической базы⁵⁰ и «присвоение» ею появившегося в 1980-х годах понятия «гендер» - закономерный и логичный шаг в ее развитии, который вывел историю женщин, как и все женские исследования, на новый уровень научной рефлексии. Следует признать тот факт, что методологический тупик был преодолен женской историей, что не означает, что она стала гендерной историей, то есть исследующей оба пола. Появилась *новая женская история*, опирающаяся на гендерную методологию.

Очевидно, что без истории женщин не могла бы появиться гендерная история. Именно история женщин создала фактологическую, эмпирическую базу гендерной истории, когда было проведено «первоначальное накопление» материала, введен в научный оборот огромный пласт новых исторических источников, обновлен концептуальный и методологический аппарат, создано на новой источниковой базе огромное количество исторических исследований о женщинах и о способах функционирования женского. В определенном смысле современная евро-американская женская история в своей последней

⁴⁷ Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000, с. 6, 7.

⁴⁸ Там же, с.5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См. подробнее Репина Л.П. «Новая социальная история» и историческая наука. М., 1998.

модификации есть гендерная история, если брать за категорию анализа ее методологию, понятийный аппарат, предмет исследования, а не ее объект.

«Новая» российская история женщин, развивающаяся вслед за зарубежной историей женщин, но стартовавшая значительно позже, миновала этап теоретических терзаний, через которые прошли зарубежные историки, и сразу включила гендерные теории и «гендерный» понятийный аппарат в свой арсенал. Подтверждением этому служит не столько появление отдельных работ «продвинутых» историков, сколько выход сборников научных статей, написанных с позиций гендерного анализа. Примером тому могут служить и последний сборник статей Тверского центра женской истории и гендерных исследований «Женщины. История. Общество»⁵¹, и московский исторический альманах Института Всеобщей истории РАН «Адам и Ева»

В целом же, в современной российской историографии более широко распространен традиционный, описательный, не основанный на каких-либо объяснительных теориях подход в исследованиях женщин.

Понимание истории женщин как феминистской интерпретации истории, озвученный М.Г.Муравьевой⁵², затрагивает другой важный вопрос – идеологию формирования новой отрасли научного знания, что является важной компонентой становления всех направлений гендерных исследований, женской и гендерной истории в том числе.

Традиционные описательные работы по истории женщин, не основанные на гендерной методологии и написанные вне феминистской идеологии (методология может быть другой – психоаналитической, например), ничего не объясняют и, зачастую, по точному замечанию историка из Иваново О.В.Шныровой, «пропагандируют патриархатные взгляды на роль и место женщины в обществе»,⁵³ хотя при этом поставляют «обогащенное сырье» историку, овладевшему новой методологией.

⁵¹ Женщины. История. Общество. Сборник научных статей под ред. В.И.Успенской. Вып 2. Тверь, 2002.

⁵² Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000, с. 4 - 20.

⁵³ Шнырова О.В. Проблемы восприятия гендерных исследований в академической среде (Иваново). // Пол. Гендер. Культура. М., 2000, с. 231.

Тезис о феминистской интерпретации истории отправляет нас к поиску базовой методологии новой дисциплины, которой, вне всякого сомнения, является феминистская теория.

Именно критический потенциал феминистской теории позволил провести ревизию истории, поставить вопрос о центральном дискурсе исторической науки, сконструированным таким образом, что женщины, их интересы как специфической социальной группы, концептуально не вписывались в реконструированное прошлое. Также феминистская теория и идеология поставили вопрос о возвращении женщин в историю и тем самым дали толчок к развитию истории женщин. Другими словами, именно «смена идеологической парадигмы, которая состоялась во многом благодаря активному развитию феминистской эпистемологии», привела «к вытеснению биологизаторской и утверждению на ее месте социально конструктивистской парадигмы»,⁵⁴ что позволило сформироваться всем гендерным дисциплинам и женской истории в том числе.

Несомненно, в рассуждениях М.Г.Муравьевой есть серьезное противоречие. Отвергая феминистскую идеологию женской истории, она вместе с водой выплескивает и ребенка – гендерную методологию, которая является производной феминистского теоретизирования и базовой как для современной «новой истории женщин», так и для гендерной истории.

В противном случае вдохновляющий потенциал создания «нового» знания, прорыва к другому конструированию и пониманию реальности теряется. История женщин предстает как скучное до скрежета зубовное описание каких-то второстепенных перипетий и практик на задворках исторического процесса, ни на что не влияющих и ничего не означающих.

Представляется, что здесь следует говорить о двух направлениях в современной российской истории женщин. Одно направление - история женщин на базе феминистской методологии и феминистской идеологии, то есть «новая история женщин», другое направление – литературно-описательное. В отношении последней я согласна с И.Р.Чикаловой, которая считает, что традиционный (литературно-описательный) подход в рамках «всеобщей», «универсальной» истории дает мало шансов для развития женской истории. Это

⁵⁴ Чикалова И.Р. Указ. соч., с. 27.

происходит прежде всего потому, что, по мнению И.Р.Чикаловой, «большая» история реконструирует как значимую для исторического развития только публичную сферу, в которой женщины практически не представлены. Развивая ее тезис, хочу добавить, что при таком традиционном подходе женская история будет существовать только там и так, где и как она сегодня существует в российской историографии – в качестве изолированной и маргинализированной отрасли на «задворках» исторической науки.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, «новую историю женщин» можно представить как междисциплинарное научное направление (субдисциплину истории и женских, гендерных исследований) и одновременно как новую исследовательскую стратегию, основанную на гендерной методологии и феминистской идеологии. Объектом новой научной дисциплины является женщина, а предмет ее составляют не только все аспекты жизнедеятельности женщин, но и институты социального контроля, власти, регулирующие неравномерное распределение материальных и духовных благ; формы, методы, механизмы угнетения и воспроизводства неравенства как факторы непосредственно определяющих аспекты жизнедеятельности женщин.

В определении объекта гендерной истории у российских исследователей нет разногласий – это оба пола, но в отношении предмета существует несколько точек зрения.

Н.Л.Пушкарева определяет его как «диалог полов»⁵⁵.

М.Г.Муравьева включает в предмет гендерной истории «историю женщин, историю мужчин, историю полов и их взаимоотношения, проблемы социального конструирования пола и, самое главное, взаимосвязь влияния вышеуказанных процессов на общую картину исторического развития человечества».⁵⁶ Также она предостерегает от «простого описания мужчин и женщин и их основных характеристик», делая выбор в пользу «систематического выявления их взаимосвязей через постоянное сравнение в рамках различных исторических ситуаций».⁵⁷

⁵⁵ Пушкарева Н.Л. Гендерный подход в исторических исследованиях. // Вопросы истории. 1998, № 6, с. 81, 82.

⁵⁶ Муравьева М.Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000, с. 6.

⁵⁷ Там же.

И.Р.Чикалова считает, что предмет гендерной истории составляет «история властных взаимоотношений, иерархических взаимозависимостей и взаимосвязей между мужчинами и женщинами, то есть гендерных отношений».⁵⁸

Точка зрения московского историка Л.П.Репиной заключается в том, что гендерная история теоретически переосмыслила предмет женской истории при помощи нового понятийного аппарата и переконструировала предмет исследования. Предметом исследований гендерных историков стала «история гендерных отношений, т.е. тех самых отношений между мужчинами и женщинами, которые, будучи одним из важнейших аспектов социальной организации, особым образом выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между индивидами (в том числе и внутригрупповые), осознающими свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте («гендерная идентичность»)⁵⁹.

Последствия такого переконструирования предмета исследования весьма значительные, так как «при этом неизбежно видоизменяется общая концепция социально-исторического развития, поскольку она должна включать в себя и динамику гендерных отношений. В центре внимания оказываются важнейшие институты социального контроля, которые регулируют неравное распределение материальных и духовных благ, власти и престижа в масштабе всего общества, класса или этнической группы, обеспечивая, таким образом, воспроизводство социального порядка, основанного на гендерных различиях».⁶⁰

Этот вывод Л.П.Репиной подчеркивает интегративный потенциал гендерной истории, которая, возвращая истории оба пола, восстанавливает целостность исторического полотна.

Принимая для себя позицию, что предмет гендерной истории составляет история гендерных отношений, которая презентует социокультурные различия и иерархии между женщинами и мужчинами и исследует их функционирование и воспроизводство, хочу заметить, что различение по признаку пола, понятие «гендер» встает, таким образом, в современных исследованиях в один ряд с понятиями «класс» и «раса» как основными инструментами истории.

⁵⁸ Чикалова И.Р., с. 28.

⁵⁹ Репина Л.П. «Новая социальная история» и историческая наука. М., 1998, с. 160.

⁶⁰ Там же, с. 53.

«Женские» и «гендерные» историки обновили свой арсенал методов, позаимствовав их в других гуманитарных и социальных науках – социологии, антропологии, психологии, литературоведении, как в свое время это сделали социальные историки. Обзор опыта и достижений зарубежной историографии по применению различных исследовательских методов в женской и гендерной истории дан в работах Л.П.Репиной и Н.Л.Пушкаревой.

Российские историки, в целом, еще не применяют в своей работе апробированные западными исследователями разнообразные методы социальных и гуманитарных наук (таких, например, как устная история, дискурс-анализ, холистский, бихевиористский, социально-психологический, казуальный, метод «школы Анналов», структуралистский и т.п.)⁶¹, хотя обновление методов исследования – один из ключей, открывающих перед исследователем кладовую исторического знания. Другой ключ – обновление методологического арсенала историка.

Возможно, поэтому в отечественной историографии складывается та ситуация, что историю женщин пишут по большей части не историки, а философы, социологи, литературоведы, владеющие этими методами и методологией.

Если гендерная история рассматривается большинством исследователей как отдаленная перспектива в развитии отечественной историографии, то существование женской истории сомнения у них не вызывает.

Все участники дискуссии едины в оценке отечественной женской истории как запаздывающей в своем развитии - либо в силу объективных причин, по мнению Пушкаревой,⁶² либо даже «безнадежно отставшей» и находящейся сегодня, наряду с другими гендерными исследованиями, на уровне западной феминистской рефлексии конца 1970-х годов, по мнению Муравьевой.⁶³

Подобная критическая оценка истории женщин М.Г.Муравьевой воспринимается как призыв к историкам миновать «неправильную» женскую

⁶¹ См. подробнее: Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. М., 2002, с. 45.

⁶² Пушкарева Н.Л. История, итоги и перспективы институализации women's & gender studies в российской исторической науке. // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000, с. 21-30.

⁶³ Муравьева М.Г. Указ.соч., с. 5-6.

историю и обратиться к исследованиям и развитию «продвинутой» гендерной истории. Возможно ли это? На эту тему автор статьи «Гендерная история в российском вузе...» не размышляет.

Другой вопрос, также вызывающий разногласия, - вопрос о начале истории женщин в российской историографии. Одна из гипотез об институционализации истории женщин в отечественной историографии, выдвигаемая Н.Л.Пушкаревой, состоит в том, что история женщин, не называясь и не определяясь подобным образом, существует в России на протяжении почти двухсот лет.⁶⁴ На мой взгляд, только изменение предмета исследования, введение новой методологии и нового понятийного аппарата может фиксировать появление новой научной субдисциплины. А это произошло гораздо позднее, только в середине 19 века.

2.2. «Новая история женщин»: барьеры на пути развития.

Если рассматривать «новую историю женщин» как междисциплинарное научное направление и как новую исследовательскую стратегию, основанную на гендерной методологии и феминистской идеологии, объектом которой является женщина, а предмет составляют все аспекты жизнедеятельности женщин и институты социального контроля, власти, регулирующие неравномерное распределение материальных и духовных благ; формы, методы, механизмы угнетения и воспроизводства неравенства, то в качестве барьеров на пути развития отечественной «новой женской истории» можно отметить следующие:

1. Непризнание легитимности новой методологии.

Оценка женской/ гендерной истории не как легитимного эпистемологического поворота, в результате которого на смену позитивистской историографии пришла новая познавательная концепция, не как попытки феминистской парадигмы утвердиться в рамках академического дискурса, а как феминистской интервенции в академию.

Непризнание легитимности методологии ведет к непризнанию легитимности самих исследований. Отсюда неприятие женских и гендерных исследований в целом и женской/ гендерной истории в частности, что время от времени демонстрирует российское академическое сообщество.

⁶⁴ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. М., 2002.

Опасения по поводу женских и гендерных исследований высказывают даже те представители научного сообщества, которые в принципе признают их существование, специфику и статус. Так, в статье петербургского философа Ю.Н.Солонина прозвучало, что женские и гендерные исследования «способны создать устойчивые отрицательные тенденции в развитии научных исследований». ⁶⁵ Непонятно, почему и как расширение процесса познания за счет включения феминистской эпистемологии может создавать «отрицательные тенденции» в науке?

По мнению петербургского историка В.В.Носкова, «на данной стадии, учитывая спонтанный характер утверждения в реальной практике вновь возникающих научных дисциплин и направлений, более важным представляется не легализация «гендерной истории», а *недопущение* (курсив мой – И.Ю.) ее излишней экспансии». ⁶⁶ Попутно В.В.Носков выражает сомнение в профессионализме приверженцев нового направления. Он пишет, что «обращение к новой тематике диктуется *свойственной* многим историкам *неспособностью* (курсив мой – И.Ю.) заниматься углубленным исследованием традиционных исторических проблем», поиском новых исследовательских тем и просто модой. ⁶⁷ Оставим на совести автора определение историков женщин и гендера как неспособных к научной деятельности и отметим, что в большей степени в статье звучит беспокойство по поводу кризиса всей отечественной исторической науки и системы профессионального исторического образования, готовящей таких профнепригодных специалистов.

2. Отсутствие «социального» заказа со стороны современного российского женского движения.

Описанный во многих статьях бум, который пережила в 1970-1980-х годах евроамериканская историческая наука по поиску и введению в научный оборот новых источников архивного, мемуарного характера, неизвестных фактов по истории женщин разных эпох и стран – результат и отражение исследовательской сверхзадачи нового направления по «восстановлению

⁶⁵ Солонин Ю.Н. Очерки по истории женской проблемы в XVIII веке. I. Феминология в аспекте методологической оценки. // Страницы российской истории. М., 2001, с. 41.

⁶⁶ Носков В.В. История и «гендерная история». // Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. Межвузовский сборник дискуссионных материалов и программ. СПб., 2000, с. 42.

справедливости» и «обнаружению исторического существования женщин», поставленной феминистским движением. Любое общественное движение нуждается в собственном историческом самосознании и, прямо или косвенно, стимулирует исследовательский интерес к той группе населения, которая оказалась «спрятанной от истории» и интересы которой это движение выражает. Эту задачу в период подъема в начале 1970-х поставило западное феминистское движение второй волны в поисках собственной исторической ретроспективы.

Тезис Ю.Н.Солониной о том, что женские/ гендерные исследования России⁶⁸ находятся «в жесткой зависимости от состояния женского движения, особенно активно заявляющего себя в политической и идеологической областях»⁶⁹, высоко оценивает современное российское женское движение, но не соответствует действительности. К сожалению, современное женское движение России еще не в состоянии сформировать собственный исследовательский заказ, поэтому современная история женщин России не имеет сегодня такого вдохновляющего ресурса своего развития - востребованность женским движением, каким обладала женская история в 1970-1980-е годы в Западной Европе и российская женская история на рубеже XIX и XX веков. И это – одна из причин ее медленного и вялого развития.

3. Отсутствие системы подготовки специалистов в данной сфере.

По точному замечанию тверского историка Д.Бородина, преподавание исторических дисциплин в системе профессионального исторического образования ведется без намека на существование гендерной проблематики.⁷⁰ Гендерные темы не включены в читаемые общие курсы, не представлены они, за редчайшим исключением, и в виде курсов по выбору студентов. Налицо разрыв между исследовательской лабораторией российских историков и учебной аудиторией.

Из курсов по выбору, читаемых по гендерной проблематике на исторических факультетах, мне известны следующие:

⁶⁷ Там же, с. 40.

⁶⁸ У автора «феминистские» исследования.

⁶⁹ Солонин Ю.Н. Очерки по истории женской проблемы в XVIII веке. I. Феминистология в аспекте методологической оценки. // Страницы российской истории. М., 2001, с. 41.

⁷⁰ Бородин Д. Некоторые проблемы преподавания истории с позиции гендерного подхода. // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000, с. 44.

- в Ивановском государственном университете - курсы О.В.Шныровой «Женский вопрос в общественной мысли конца 18 – начала 20 веков», «Мужчина и женщина в 19 веке: брак, любовь, сексуальность», «История сексуальности в Европе 19 – начала 20 века», «История суфражизма»;
- в Московском государственном университете - курс Н.Л.Пушкаревой «Женские и гендерные исследования в истории»;
- в Санкт-Петербургском государственном университете - курсы М.В.Рабжаевой «История женской эмансипации», «Гендерная антропология»;
- в Тверском государственном университете - курсы В.И.Успенской «История европейского феминизма» (магистерская программа), «Основы феминистской мысли»; В.Н.Кулик «История женщин России. IX-XIX вв.», А.В.Беловой «Женщина в истории мировой культуры» и «Гендерные исследования: становление, подходы, перспективы (по материалам западноевропейского и русского средневековья)»;
- В Минском государственной педагогическом университете – курс И.Р.Чикаловой «Гендерная проблематика в истории».

Как мы видим, ситуация, конечно, меняется, но медленно. Историки оказались в этом смысле менее подвержены новым веяниям, чем представители других общественных дисциплин, хотя история как отрасль научного знания несет в себе огромный потенциал для гендерных исследований.

Совершенно прав Д.Бородин, утверждающий, что состояние исторического образования отражает общий уровень гендерной безграмотности общества.⁷¹

Легитимация гендерных курсов в учебных планах требует методического обеспечения этих курсов по следующим позициям: публикация программ курсов, издание учебных пособий и хрестоматий, издание методических пособий по проведению практических и семинарских занятий.

Кое-что в этом направлении сделано. Опубликованы программы курсов для студентов исторических факультетов: Л.П.Репиной «История Западной

⁷¹ Бородин Д. Некоторые проблемы преподавания истории с позиции гендерного подхода. // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин. Тверь, 2000, с. 44.

Европы в гендерном измерении»,⁷² О.В.Шныровой «История сексуальности в Европе 19 – начала 20 века»,⁷³ И.И.Юкиной «Женское движение России»,⁷⁴ отдельным изданием в Твери вышел сборник программ «Женские и гендерные исследования: Авторские программы курсов», включивший в себя программы В.Н.Кулик «Женщины в истории России»,⁷⁵ А.В.Беловой «Русская провинциальная дворянка: социокультурный тип»,⁷⁶ В.И.Успенской «История европейского феминизма».⁷⁷ В печати находится программа В.И.Успенской «Основы феминистской мысли».

Из методических разработок изданы работы: Л.П.Репиной «Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки и хрестоматия»,⁷⁸ рекомендованная Министерством образования РФ в качестве учебного пособия по спецкурсу для студентов, обучающихся по специальности 020700 – История; авторское учебное пособие В.И.Успенской «Идея прав женщин: Традиции теоретизирования в духе феминизма в истории европейской социальной мысли»;⁷⁹ учебное пособие В.Н.Кулик «История женщин России»;⁸⁰ пособие коллектива авторов - М.П.Аракеловой, Е.Д.Емельяновой, В.Н.Кулик «Женщина в российском обществе XX века: История и современность»;⁸¹ учебное пособие для курса «Женские и гендерные исследования в истории» под редакцией Н.Л. Пушкаревой,⁸² в печати находится справочное пособие В.И.Успенской «По дороге к гендерному равенству: Краткая хронология женского движения». Изданы библиографии: В.И.Успенской «Женщина и общество: Литература по женскому вопросу, изданная во второй половине XIX

⁷² Репина Л.П. История Западной Европы в гендерном измерении // Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002, с. 101-105.

⁷³ Шнырова О.В. История сексуальности в Европе 19 - начала 20 века. // Гендерная педагогика и гендерное образование в странах постсоветского пространства. Иваново, 2002, с. 275-289.

⁷⁴ Юкина И.И. Программа и методические указания по курсу Женское движение России. СПб., 2001.

⁷⁵ Женские и гендерные исследования: Авторские программы курсов. Тверь, ТвГУ, 2001, с. 15-21.

⁷⁶ Там же, с. 31-37.

⁷⁷ Там же, с. 39-42.

⁷⁸ Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.

⁷⁹ Успенская В.И. Идея прав женщин: Традиции теоретизирования в духе феминизма в истории европейской социальной мысли. Авторское учебное пособие. Ч.1, с илл., Тверь, ТвГУ, 2002, 60 с.

⁸⁰ Кулик В.Н. История женщин России X-XV вв. Ч.1, Тверь, 2000.

⁸¹ Аракелова М.П., Емельянова Е.Д., Кулик В.Н. Женщина в российском обществе XX века: История и современность. Специальный курс. М., 1996, 125 с.

⁸² Женские и гендерные исследования в истории. Учебное пособие под ред. Н.Л.Пушкаревой. Калуга, 2001.

–начале XX вв.»,⁸³ Н.Л.Пушкаревой «Русская женщина: история и современность»,⁸⁴ Л.А.Мироновой и И.И.Юкиной «Материалы к библиографии по женскому вопросу, истории женского движения России».⁸⁵

Если рассматривать процесс институционализации гендерного образования в исторических науках на всем постсоветском пространстве, то нужно отметить изданный в Белоруссии на русском языке учебник Чикалова Р.А., Чикаловой И.Р. «Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815-1918)»,⁸⁶ предназначенный для студентов исторических специальностей высших учебных заведений, в который включены темы американского женского движения и истории повседневности. Историографические и методологические проблемы рассматриваются в пособии О.Шутовой «На пути к истории людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века)».⁸⁷

Хотя успехи в деле институционализации женской и гендерной истории скромны, но я согласна с мнением И.Р.Чикаловой, которая оценивает возможности развития новой области знания на постсоветском пространстве как обнадеживающие и свидетельствующие о наметившемся преодолении кризиса, в котором оказалась историческая наука после упразднения монополии классового анализа в исследовании общественных процессов.⁸⁸

4. Медленное освоение новых методологий и ограниченность применения методов социальных наук в истории.

Методологическое поле и методы смежных общественных наук, позволяющие извлекать «новое» знание еще не освоено «широкими массами» историков.

Обращение российских историков женщин к феминистской, гендерной методологии еще не произошло, поэтому утверждение, что женские и гендерные

⁸³Успенская В.И. Женщина и общество: Литература по женскому вопросу, изданная во второй половине XIX –начале XX вв. Изд. 2-е, Тверь, ТвГУ, 2002, 40 с.

⁸⁴Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000. Материалы к библиографии. М., 2002, 526 с.

⁸⁵Миронова Л.А., Юкина И.И. Материалы к библиографии по женскому вопросу, истории женского движения России: Из фондов Российской национальной библиотеки. // Женские и гендерные исследования. Вып.5. СПб., 2000, с. 82-145.

⁸⁶Чикалов Р.А., Чикалова И.Р. Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815-1918): Учебное пособие для студентов исторических специальностей высших учебных заведений. Минск, 2000.

⁸⁷Шутова О. На пути к истории людей: заметки по истории исторической мысли (конец XX века). Минск, 1999.

⁸⁸Чикалова И.Р. Субдисциплины гендерных исследований: женская и гендерная история. // Иной взгляд. Междисциплинарный альманах гендерных исследований, 2002, с. 25-28.

исследования развиваются в рамках «феминистической идеологемы»⁸⁹, по меньшей мере, преждевременно. Напротив, не редкость, когда под лозунгом возвращения женщин в историю мы получаем не обремененные какой-либо методологической рефлексией исследования, некритично продуцирующие традиционные поло-ролевые стереотипы.⁹⁰ Хотя в истории российской историографии женщин, действительно, был момент соответствия и следования познавательным феминистским моделям, но это было давно.

Таким образом, ряды исследователей, работающих в области *новой женской истории*, малочисленны и, соответственно, незначительно количество статей, публикаций и монографий в этой области.

Вместе с тем, процесс обновления проблематики, теоретического переосмысления и конструирования предмета исследования гендерной истории женщин все же идет. Этот путь пролегает по полю междисциплинарного взаимодействия. И хотя в процессе написания «новой истории женщин» (с гендерных позиций) активно участвуют философы и социологи, лепта историков все же растет.

Проблема освоения новых методологий, нового понятийного аппарата и методов исследования - первостепенная проблема сегодня для историков-гендеристов. Категория гендера, являясь «фундаментальным организующим принципом для описания и анализа различий исторического опыта женщин и мужчин, их социальных позиций и поведенческих стереотипов <...>, должна быть методологически ориентирована на подключение к более генеральной объяснительной схеме».⁹¹

Как мы видим, без освоения «генеральных» объяснительных/интерпретационных теорий и схем развитие женской и гендерной истории невозможно. Например, метод устной истории дает богатейший материал, но его использование упирается в проблему интерпретации нарратива. Феминистская критика в качестве методологической основы - популярная схема анализа жизненных историй в западной историографии, но она еще не освоена и не применяется в отечественной историографии.

⁸⁹ Солонин Ю.Н. Указ. соч., с. 41.

⁹⁰ На эту тему: Шнырова О.В. Проблемы восприятия гендерных исследований в академической среде (Иваново). // Пол. Гендер. Культура. М., 2000, с. 228-238.

5. Проблема критического переосмысления исследований по женской истории советского времени.

Критическое «пере-читывание» исторических трудов советского времени, очищение их от идеологической шелухи прошедших времен – актуальная проблема. Это очень трудоемкий и времязатратный процесс, с которым сталкивается каждый исследователь, пишущий *новую историю женщин*. Интерпретация исторического факта в угоду доминирующей идеологии – реальность развития нашей науки советского времени, а потому проверка фактов и их исторического контекста – совершенно необходимая операция при проведении исторического исследования сегодня. Это сильно усложняет работу современного российского исследователя и является дополнительным барьером, можно сказать, национальной особенностью развития женской истории.

6. Проблема накопления эмпирической базы женской и гендерной истории.

Можем ли мы говорить о становлении гендерной истории в российской исторической науке сегодня? Возможно ли ее развитие без широкого развития конкретных исследований по истории женщин? Представляется, что нет. Продвижение к гендерной истории без развития женской истории практически невозможно. Только обнаружение новых исторических источников, неизвестных фактов по истории женщин и введение их в научный оборот, появление сотен и тысяч исследований, статей и книг конкретно-исторического и теоретического содержания позволили евро-американской исторической науке совершить переход от женской истории – к гендерной и *новой женской* (гендерной) *истории*. Развивающиеся наряду с этим процессом методологические поиски и серьезные обретения «новой социальной истории» позволили зарубежной историографии накопить ту критическую массу фактологического материала и теоретического потенциала, который позволил ей перейти на новый уровень осмысления взаимодействия полов в истории – к гендерной истории.

Ничего подобного пока еще не наблюдается в отечественном историческом знании. Путь к российской гендерной истории пролегает через немногочисленные пока труды историков, вовлеченных в гендерные исследования, через переводы методологических работ силами энтузиастов,

⁹¹ Репина Л.П. «Новая социальная история» и историческая наука. М., 1998.

через включение в историческую проблематику специалистов самых разных областей социального и гуманитарного знания. Российские исследователи идут по тяжелому пути добывания исторического «сырья» для своих исследований, занимаясь собственной теоретической переподготовкой и самостоятельной методологической работой по «применимости» западных теоретических моделей к российскому контексту.

6. Медленное решение организационных проблем институционализации женской/ гендерной истории.

Международный опыт показывает, что создание ассоциаций историков, работающих в сфере женской, мужской, гендерной истории способствует их институционализации. В 1987 году была основана Международная федерация исследователей, изучающих историю женщин (МФИЖИ).⁹² С 1989 года, начиная со встречи в Белладжио, МФИЖИ регулярно проводит конференции и издает сборники материалов, что позволяет обсуждать теоретические и методологические проблемы, обновлять проблематику и направленность исследований, развивать масштабные совместные сравнительные исследования и т.д. Российские историки вступили на эту дорогу совсем недавно: летом 2002 года на Фестивале гуманитарных наук в Иваново был создан Российский комитет Международной федерации исследователей в области женской истории.

Конференции, включающие в качестве раздела историю женщин, проводятся давно и регулярно во многих российских университетах, однако процесс выхода истории женщин за рамки общих конференций по женскому вопросу уже начался. Первая и пока единственная конференция подобного рода на территории бывшего СССР состоялась в Европейском гуманитарном университете в Минске в 1999 году под общим названием «От истории к истории: женская и гендерная история в странах переходного периода».

Другой путь институционализации - издание «своего» профессионального журнала. В мировой практике журналов, посвященных женским/ гендерным исследованиям, женской/ гендерной истории, много. На постсоветском пространстве также существуют общегендерные периодические издания: это «Гендерные исследования» Харьковского центра гендерных

⁹² The International Federation for Research in Women's History.

исследований и междисциплинарный альманах гендерных исследований «Иной взгляд» Минского государственного педагогического университета, где публикуются и материалы по женской истории.

Несмотря на все сложности основания специального издания по женской истории, связанные с малочисленностью историков нового направления, с финансовыми и организационными трудностями, на постсоветском пространстве уже появились такие периодические издания. Это альманахи «Адам и Ева» Института Всеобщей истории РАН в Москве, «Женщины в истории: возможность быть увиденными» Белорусского государственного педагогического университета им. М.Танка в Минске, «Женщины. История. Общество» Тверского центра женской истории и гендерных исследований.

Именно с целью поддержания процесса институционализации женской истории в современной российской историографии, в гендерных исследованиях и в учебном процессе по подготовке историков Женская сетевая программа Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса) предприняла проект по расширению базы учебно-методической литературы по женской истории, в рамках которого была подготовлена данная библиография.

Нужно заметить, что библиографии занимают особое место в деле развития и продвижения того или иного научного направления. Особенно это актуально в отношении истории женщин, так как неразработанная источниковая база является одной из причин отсутствия женщин в истории.

III. Источниковая база истории женщин.

Источниковая база истории женщин сформирована трудами преимущественно советских историков и их зарубежными коллегами.

Историки рубежа 19-20 веков зачастую довольно небрежно обращались с источниками своих исследований, которые сегодня практически недоступны из-за неточности ссылок. Работы русских историков того времени сегодня сами выступают как исторический источник.

Обширные библиографии, приведенные в монографиях В.Л.Бильшай, Э.П.Федосовой, С.Н.Сердитовой, Г.А.Тишкина, Э.Павлюченко, Ж.В.Кулиш, Н.Л.Пушкаревой, О.В.Рябова⁹³ в статьях В.Н.Смирновой, Н.П.Ефремовой,

⁹³ Рябов О.В. Русская философия женственности (XI –XX века). Иваново, 1999.

И.Н.Ковалевой, З.В.Гришиной и многих, многих других исследователей советской поры и ныне работающих историков, несмотря на разницу подходов и интерпретаций, ввели в научный оборот огромное число исторических источников и сформировали тем самым источниковую базу истории женщин России.

Библиографии зарубежных исследователей, представленные в их статьях и книгах, также вносят свой значительный вклад в дело формирования источниковой базы российской женской истории.

Другим каналом поступления источников являются специально изданные библиографии и указатели по «женскому вопросу», женскому движению, истории женщин.

Библиографии начала XX века предназначались прежде всего для читающей публики, интересующейся «женским вопросом», а не для исследователей.

Это библиографии Е.И.Аркадьева «Женский вопрос. Материалы к библиографическому указателю»,⁹⁴ Л.Я.Гуревич - «Книги, рекомендуемые «Союзом Равноправия женщин» для ознакомления с женским вопросом в его современной постановке» и ее же «Литература по женскому вопросу»⁹⁵, В.М. Хвостова «Женский вопрос и женское движение. Программа для домашнего чтения»⁹⁶ и других составителей (см. раздел XVI данного указателя), а также библиография советского времени - Л. Булгаковой «Указатель литературы по женскому вопросу. 1924-1925».⁹⁷

Работы современных исследователей обращены прежде всего к ученым и преследуют иную цель - осознанное расширение источниковой базы новой дисциплины. Я имею в виду библиографии В.И. Успенской «Женщина и общество: Литература по женскому вопросу, изданная во второй половине XIX – начале XX вв.», Л.А. Мироновой и И.И. Юкиной «Материалы к библиографии по женскому вопросу, истории женского движения России» и Н.Л. Пушкаревой

⁹⁴ Аркадьев Е.И. Женский вопрос. Материалы к библиографическому указателю. Сызрань, 1902.

⁹⁵ Гуревич Л. Книги, рекомендуемые «Союзом Равноправия женщин» для ознакомления с женским вопросом в его современной постановке. // Первый женский календарь на 1907 год. СПб., 1907, с. 365-369; Литература по женскому вопросу. // Книга. 1906/7, № 8, с.1-3.

⁹⁶ Хвостов В.М. Женский вопрос и женское движение (программа для домашнего чтения). // Критическое обозрение. Вып.1. 1907, с. 114-121.

⁹⁷ Булгакова Л. Указатель литературы по женскому вопросу. 1924-1925. Л., 1925.

«Русская женщина: история и современность».⁹⁸ Свой вклад в создание источниковой базы истории женщин России внесли и зарубежные исследователи. Достоверно известно, что такие библиографии существуют. В частности, библиография, составленная известной исследовательницей российского женского движения профессором Рошель Ратчилд (Rochelle Rutchild (Goldberg) из США.⁹⁹ К сожалению, эти работы недоступны российским ученым, но способствуют развитию истории женщин России в других странах.

Данная библиография посвящена определенной теме - женскому и феминистскому движению России первой волны. Помимо включения обычных в таких случаях исторических источников - уставов организаций, материалов о лидерах организаций и их деятельности и т.п., в библиографии представлен широкий корпус материалов, которые, как может показаться на первый взгляд, не имеют прямого отношения к движению. Это мемуары женщин, работы, посвященные проблемам сексуальной морали, семьи, брака, проституции и др.

Такой подбор источников обусловлен тем, что темы двойной сексуальной морали, проблемы женского труда и образования, проблемы проституции и материнства, а также многие другие стояли на повестке дня движения, обсуждались и решались им. Поэтому я сочла необходимым включить в систематический указатель литературы по женскому и феминистскому движению России материалы не только о непосредственной деятельности женских организаций, акциях движения, но и материалы, воспроизводящие исторический контекст женского движения и дискуссии в самом движении и вокруг него.

Таким образом, данный указатель, принцип его систематизации, хронологические рамки, рубрикация, и т.д. отражает исследовательскую позицию автора в отношении женского движения и феминизма в России.

⁹⁸ Успенская В.И. Женщина и общество: Литература по женскому вопросу, изданная во второй половине XIX – начале XX вв. // Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавании социально-гуманитарных дисциплин, Тверь, 2000; Миронова Л.А. и Юкина И.И. Материалы к библиографии по женскому вопросу, истории женского движения России. // Женские и гендерные исследования. Вып. 5. СПб., 2000; Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность, М., 2002

⁹⁹ Rutchild, Rochelle Goldberg. Women in Russia and the Soviet Union: An Annotated Bibliography. G.K. Hall, 1993.

3.1. Принцип организации библиографии «История женского движения и феминизма в России 1850-е –1920-е годы».

Еще исследователи XIX века отмечали сложность работы в проблематике «женского вопроса» из-за отсутствия «четких границ» и «мучительной расплывчатости женского вопроса», то есть из-за глобального и вместе с тем всепроникающего характера женской проблематики. Работа над данной библиографией также поставила передо мной проблему систематизации объемного, разнонаправленного и разноуровневого материала.

Использовать алфавитный принцип организации материала не только не хотелось из-за известных его ограничений при использовании, но это было бы даже невозможно сделать в рамках одной темы, так как было бы сложно объяснить читателю, почему та или иная литература включена в библиографию по женскому движению.

Решение проблемы пришло через использование понятия «дискурс», который понимается как «единство языковой формы, значения и действия»,¹⁰⁰ то есть одновременно и как специфический язык, с его понятиями, терминами, определениями, и как идеологические построения, и как коммуникативное действие, воздействующее на реальность и конструирующее ее.

В дискуссии, в социальном диалоге между его участниками – индивидами и различными структурами общества, включенными в этот диалог (социальными институтами, организациями движения, партиями, политическими группами), - выделяются голоса, объединенные общими установками, идеологическими построениями, употреблением языка («наполнением» понятий, терминов, определений, значений) и практикуемых приверженцами того или иного «прочтения» темы, той или иной политической, интеллектуальной позиции своих определенных стратегий и социальных действий.

Возможно, использование понятия «дискурс» в библиографическом указателе покажется кому-то неожиданным и неуместным, но мне представляется, что именно это понятие наиболее качественно отражает ситуацию и позволяет представить многоголосие социального диалога, существовавшего вокруг движения и внутри его.

Таким образом, благодаря этому понятию появилась возможность объединить литературу не по какому-то конкретному предмету, рассмотренному в книге, (предметов описания и исследования в любой работе присутствует чаще всего несколько), а по социальным голосам, позициям, звучащим в общественном диалоге – по дискурсам противодействующих субъектов.

Поэтому, авторы, пишущие с феминистских позиций, публикующиеся в феминистских журналах, объединены в рубрике «феминистский дискурс», авторы, исповедующие социалистические взгляды – в рубрике «социалистический дискурс», а либеральная позиция в отношении «женского вопроса» отражена в рубрике «либеральный дискурс».

Библиография «История женского движения и феминизма в России. 1850-е –1920-е годы» охватывает период с момента становления женского движения в конце 50-х гг. XIX века и до конца 20-х - начала 30-х гг. XX века.

Хронологические рамки библиографии определены историческими фактами, фиксирующими начало и конец движения. Так, в 1850-х годах проблемы женщин уже осознавались российской общественностью и были обозначены как «женский вопрос» по обычной в то время манере называть «вопросом» любую социально значимую проблему. В эти 1850-е годы уже и сами женщины включились в обсуждение своих проблем и предприняли ряд шагов по их решению. 1858 год – год создания женской организации «Общества пособия беднейшим жителям Петербурга» М.В.Трубниковой, Н.В.Стасовой и А.П.Философовой, с этого момента, собственно, и началось движение.

А в 1920-х годах закончилась короткая эпоха «советского феминизма», в 1930-е годы практика самостоятельного женского движения была решительно прекращена директивами «сверху», и государственная политика в отношении женщин начала формироваться без влияния женщин на процесс принятия решения.

В большинстве разделов указателя сделана попытка избежать привычного деления российского женского движения, на дореволюционное и советское, когда одно (дореволюционное, либеральное) объявлялось

¹⁰⁰ Дейк ван Т.А. Анализ новостей как дискурса. // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989, с. 121-122.

закончившимся в 1917 году, а другое - советское женское движение - начинало свой отсчет с 1917 года и как бы с нуля.

Подобная практика рассмотрения российского женского движения по принципу «до 1917» и «после 1917» представляется упрощенной и ничего не объясняющей в развитии постреволюционного женского движения и путей решения «женского вопроса» в первые послереволюционные годы. Более того, мне кажется, что такая позиция только запутывает ситуацию из-за искусственного, обусловленного советской идеологией, отрыва женского движения советского периода от его корней – либерального женского движения и российского либерального феминизма первой волны.

Именно по причине существования «генетической» связи советского феминизма с либеральным российским феминизмом в библиографию включены материалы 1920-1930-х годов. Многие акценты, постановка многочисленных проблем, пути решения «женского вопроса» первым Советским правительством, принципиально пересмотренные позднее, в первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 г. были обусловлены достижениями российского феминизма.

Перелом наступил в 1929 году, когда неожиданно и быстро были ликвидированы женотделы, а по сути дела, были ликвидированы каналы для женской политической активности и инициативы.

В первые годы Советской власти социальная политика молодого Советского государства в отношении женщин во многом соотносилась с идеологическими построениями российских феминисток, которые прочно вошли в политический дискурс и были усвоены представителями российской интеллигенции не только либеральной, но и радикальной ориентации, то есть тех, кто формировал политику молодой Советской республики.

Так, например, одной из проблем, доставшейся по наследству молодому Советскому государству, была проблема проституции. Феминистские установки повлияли на выработку государственной политики в отношении проституции в первые годы Советской власти. Большевики переняли ту феминистско-аболиционистскую позицию снятия ответственности за это «социальное зло» с одних только женщин, и так же, как русские феминистки, признали ответственность мужчин, как потребителей проституции, и значимость роли социальных условий ей сопутствующих.

Эта позиция нашла отражение в принятом в 1922 г. Уголовном кодексе РСФСР, в котором наказание за занятие проституцией не предусматривалось, но определялось наказание за содержание и притонов и принуждение женщин к проституции. Официальная позиция в отношении проституции в 1920-х годах звучала следующим образом: «При бесспорной наказуемости сводничества и содержания притонов разврата, занятие проституцией, как таковой, не может быть само по себе признано уголовно наказуемым».¹⁰¹ Конечно, эти феминистские установки дополнялись марксистской риторикой. Например, такой: «Проституция - наследие буржуазно-капиталистического строя. Борьба с проституцией должна вестись мерами, направленными к устранению причин это зло порождающих, т.е. главным образом, неблагоприятных экономических условий».¹⁰²

Об этом, хотя и другими словами, еще в самом начале XX века писали российские феминистки. Например, Е. де Турже-Туржанская замечала: «<...> одной из главных причин проституции у нас в России, как впрочем, и всюду, является экономическая причина: низкая заработная плата [женщины] сравнительно с мужчиной».¹⁰³

Библиографический указатель разбит на рубрики, внутри которых прослеживается развитие обозначенной в названии проблемы с момента ее первой постановки до начала 1930-х гг. В каждой такой теме представлены материалы, относящиеся к дореволюционному и советскому периодам. Такой «сквозной» принцип организации материала позволяет увидеть, как ставилась и изменялась проблема, какие существовали стратегии в ее решении. Внутри XIV и XV разделов сделана разбивка на «дореволюционный» и «послереволюционный» периоды с тем, чтобы показать явное влияние политических факторов на такие далекие от политики темы как проблемы сексуальной морали и проституции и проследить динамику воззрений одних и тех же авторов под воздействием политических обстоятельств. В разделе IX эта граница перенесена на 1920 год по причине того, что социалистический дискурс

¹⁰¹ Соколов В.В. Права женщин по советским законам. 2-е изд., М., 1926, с. 93.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Де Турже-Туржанская Е. Современное положение женского и рабочего вопросов в связи с народным образованием. Смоленск, 1906, с. 17.

до 1920 г. включал в себя и актуализировал многие «феминистские» проблемы, в то время как после 1920 г. в социалистическом дискурсе ярко проявились иные принципиальные основания.

Сами темы - рубрики указателя расположены в хронологическом порядке. Начинается указатель с I раздела «Законодательство Российской Империи как фактор формирования женского движения», в котором собраны материалы, фиксирующие правовое положение женщины в российском обществе XIX века.

Название I раздела объясняется тем, что женское движение выступало против тех российских законов, которые дискриминировали женщин, так как само законодательство во многом обусловило возникновение женского движения. В то же время движение действовало в рамках российского законодательства, используя в своих целях гендерно-нейтральные законы и законы, предоставляющие российским женщинам экономические и гражданские права.

Во II раздел «1860-е годы: «женский вопрос» в его первой постановке» вошли материалы, относящиеся ко времени становления проблемы – рубежа 1850- 1860-х годов. Этот раздел состоит из трех подразделов.

В подраздел «Исторический контекст возникновения «женского вопроса» вошли работы историков, посвященные идейным и интеллектуальным течениям данного исторического периода и воспоминания современников о появлении «женского вопроса» на политической российской сцене, об отношении к нему различных категорий граждан.

В подраздел «Труды мужчин-современников» вошли статьи публицистов, философов, общественных деятелей, размышлявших на «женскую» тему и развивавших эту проблематику.

Третий подраздел – «Женские голоса» - представляется принципиально важным. Он объединяет статьи женщин, написанные ими в 1860-х годах и являющиеся, по сути, первой реализованной возможностью обрести голос, высказать свое мнение на страницах журналов, читаемых широкой публикой.

Материалы этого раздела фиксируют момент и форму выхода женщин в публичную сферу. Женщины, чьи статьи помещены в этой рубрике, пишут от своего имени (характерно, что их имена в большинстве своем скрыты за инициалами) и говорят от самих себя – реально существующих женщин. На

журнальных страницах они обретают свой голос и через него переходят из состояния объекта мужского внимания и активности в позицию действующего субъекта.

Их взгляды неоднородны и демонстрируют позицию «изнутри». Тексты некоторых из них транслируют и воспроизводят жесткие патриархатные установки в отношении женщин. Так, Изабелла Львовна Грюнберг, скрывающаяся под инициалами И.Л.Г. считает, что «женский вопрос» произошел единственно от непонимания женщинами своего «естественного поприща». Проблемы женского труда – базовой женской проблемы в пореформенной России - сводятся ею к проблеме недобросовестности прислуги.

Критическая дуэль между Натальей Петровной Грот (Семеновой), скрывающейся под псевдонимом «Русская женщина» и писательницей Евгенией Тур (Салиас ?) по поводу образа Елены Стаховой отражает диаметрально противоположные взгляды женщин на репрезентацию новой женственности, данной Тургеневым в образе Е.Стаховой, и на «женский вопрос» в целом. Грот настаивает на сохранении и воспроизводстве моделей традиционной женственности. Тур категорически против «староверных» требований к женщинам.

Последующие разделы – III. «Женский вопрос»: образование женщин» и IV. «Женский вопрос»: труд женщин» презентуют те проблемы женщин, которые были очевидны «общественности» с самого начала возникновения «женского вопроса» и с которых, собственно, и началось формирование вопроса.

Исходя из принципа сквозного построения библиографии в исторической перспективе, в III раздел - «Женский вопрос»: образование женщин» - включены материалы об образовании женщин, начиная с 1850-х, заканчивая 1930-х годами. Конечно, вопрос об образовании женщин в 1930-х годах уже не стоял на повестке дня женского движения, да и самого движения, собственно, уже не было, но эта тема нашла отражение в статьях-воспоминаниях одного из активных сторонников женского движения - Н.В.Чехова. Эти материалы интересны, напрямую относятся к теме, являются ее историческим источником и было жаль не включить их в указатель. В то же время в рубрике практически отсутствуют партийные постановления об образовании женщин, принятые в

1920-1930-х годах. Прежде всего это вызвано тем, что тема партийного решения «женского вопроса» слабо коррелирует с темой женского движения.

В III раздел - «Женский вопрос»: образование женщин» - вошли подразделы:

- «Постановка проблемы», в который включены материалы как противников, так и адептов женского среднего, специального профессионального и высшего образования.
- «Образовательные учреждения для женщин». В данном подразделе собраны материалы о различных образовательных проектах и образовательных учреждениях для женщин, расположенные в хронологическом порядке по мере их возникновения. Это Воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт), образовательные учреждения для женщин Ведомства Императрицы Марии, воскресные школы, женские гимназии, женские врачебные курсы, высшие женские Бестужевские курсы, Казанские высшие женские курсы, Киевские высшие женские курсы, Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы и другие курсы, упоминания о которых нашлись только в единичном варианте.
- «Справочные издания», в который включены разного рода настольные и справочные книги по женским образовательным учреждениям.

В раздел IV - «Женский вопрос»: труд женщин» - вошли материалы так же, как и в предыдущем разделе, охватывающие практический весь период, заявленный в названии указателя – от 1850-х до 1930-х годов.

В рамках этого раздела представлена литература, презентующая различные точки зрения на проблему женского труда. Это и социал-демократический взгляд образца начала XX века - Е.Бройдо (Львовой), и позиция советского времени - З.А.Богомазовой, а также установки либеральной интеллигенции, отраженные в статьях известных общественных деятелей, ученых, фабричных инспекторов, таких как И.И.Янжул, Е.П.Карнович и др.

Феминистская позиция озвучена первой профессиональной исследовательницей проблемы женского труда М.Вернадской, активистками женского движения А.В.Лесневской, Л.О.Озинской, Е.Турже-Туржанской,

Е.Чебышевой-Дмитриевой, А.Н.Шабановой и др. Противники расширения сферы женского труда также представлены.

В раздел включено довольно много материалов о женщинах-писательницах, о женском литературном труде, который являлся доступным для женщин видом «интеллигентного труда».

В то же время в раздел вошли работы современников, дебатующие проблемы фабричного законодательства, охраны труда, страхования, фабричной инспекции, в том числе женской фабричной инспекции.

В разделе У - «Женский вопрос»: образ женщины в русской литературе» - собраны материалы, освещающие дебаты вокруг проблемы женского образа в литературе. Эта тема введена в указатель не случайно. Русская литература всегда рассматривалась как база самоидентификации личности и всегда признавалась общественными деятелями всех направлений идеологически значимой. Именно поэтому тенденции в формировании положительного образа русской девушки/женщины стала настоящим полем сражения за женские умы.

В литературной критике также происходило столкновение дискурсов противодействующих субъектов в «женском вопросе».

Разделы VI - «Женский вопрос»: либеральный дискурс», VII - «Женский вопрос»: антиженский дискурс», VIII - «Женский вопрос»: феминистский дискурс», IX - «Женский вопрос»: социалистический дискурс» - презентуют складывающиеся и формирующиеся в обществе взгляды на женщин, «женский вопрос», «женские» проблемы со стороны основных участников национальной дискуссии по женскому вопросу.

Акценты и позиции субъектов в противодействующих, но в то же время и взаимодействующих в социальном процессе дискурсов разнятся. Разное толкование, разное понимание, разные смыслы, вкладываемые в понятия «женский вопрос», «эмансипация», «женский труд», «женское движение», «феминизм», - все они имеют собственные временные рамки, которые хорошо фиксирует библиография.

Несмотря на непримиримое идейное противостояние по определенным позициям, по каким-то проблемам были найдены точки соприкосновения и

взаимодействия политических движений различной ориентации и выработаны общие стратегии.

Раздел VI - «Женский вопрос»: либеральный дискурс» - включает работы либеральных деятелей: известных, таких как И.Гессен, Л.И.Петражицкий, А.И.Шингарев, и неизвестных, которые признавали право «женского вопроса» на существование, разделяли основные установки и требования женского движения и поддерживали его.

Раздел VII - «Женский вопрос»: антиженский дискурс» - составлен из работ российских и иностранных общественных деятелей, писателей, ученых, категорически не приемлющих меняющуюся реальность и противодействующих своими работами осуществлению целей движения.

Раздел VIII - «Женский вопрос»: феминистский дискурс» - включает в себя материалы по следующим позициям:

- работы, написанные с позиций феминистской теории, идеологии, употребления языка, принятого в этой среде,
- работы известных деятельниц российского феминизма М.Ватсон, А.И.Волковой, М.М.Волковой, О.А.Волькенштейн, Л.Я.Гуревич, Е.П. де Турже-Туржанской, Н.П.Долговой, С.К.Исполатовой, О.В.Кайдановой – Берви, О.Н.Клириковой, А.А.Кальманович, Н.А.Духмановой, Е.Люлевой, Н.Мирович, М.И.Покровской, Л.Н. фон Рутцен, А.В.Тырковой, С.А.Тюрберт, А.П.Философовой, М.К.Цебриковой, М.А.Чеховой, Е.А.Чебышевой-Дмитриевой, А.Н.Шабановой, О.А.Шапир, Н.А.Шахматовой, П.Н.Шишкиной-Явейн, Е.Н.Щепкиной.

Здесь перечислены все их статьи, выступления, книги, найденные в фондах петербургских и московских библиотек, но, наверняка, не все из написанных ими, вкуче с работами их последовательниц и последователей. Эти работы формируют российский феминистский дискурс рубежа веков и демонстрируют нам те проблемы, которые решало движение.

Раздел IX - «Женский вопрос»: социалистический дискурс» - разделен на два подраздела: материалы до 1920 года и материалы 1920-1930-х годов.

В первый подраздел включены работы таких известных экспертов по женскому вопросу партии большевиков, как А.М.Коллонтай, И.Ф.Арманд, Н.К.Крупская, а также переводные работы немецких социалистов, таких как А.Бебель, Л.Браун, К.Цеткин.

Второй подраздел, наряду с работами «старых» большевичек, формируют статьи представительниц нового партийного призыва, включившегося в партийную работу позже – А.В. Артюхиной, Ф.Нюриной и др. Сюда также включена массовая партийная литература, изданная в серии «Библиотечка работницы и крестьянки», а также партийные постановления и статистические сборники с материалами о женщинах.

Название раздела X - «Женская пресса/издания для женщин» - фиксирует различие между изданиями, издаваемыми женщинами для женщин – «женской прессой», и изданиями, которые инициировали и контролировали мужчины-издатели. В первые советские годы таким органом контроля стал Отдел ЦК РКП по работе среди женщин. В раздел включены все найденные в библиотеках периодические издания идейного и профессионального характера, издаваемые для женщин.

Раздел XI - «Женские мемуары» - представляется принципиально важным. Выделение женских автобиографических текстов преследовало две цели.

С одной стороны, именно женский нарратив демонстрирует образцы феминности, показывает развитие и изменение культурных практик гендерных отношений. Раздел большой, в него включены мемуары, написанные женщинами-дворянками в начале 19 века о традиционных женских жизненных стратегиях и практиках - от институтских воспоминаний и семейных записок до мемуаров под названием «Из жизни на Нерчинской каторге» М.Спиридоновой (1925), «Записок женорга политотдела МТС» Солоденниковой (1934), «Записок штурмана» М.Расковой (1939). С другой стороны, презентация женских мемуаров - это попытка привлечь внимание к женским текстам, гораздо менее известным и слабо вовлеченным в научный оборот даже в проблематике

«женского вопроса» и женского движения, способ сфокусировать интерес исследователей на огромном пласте уникального исторического материала по женской и гендерной истории.

Именно этот исторический источник позволяет проследить процессы изменения в постановке проблем движения, найти мотивацию к включению женщин в обсуждение женской проблематики, к их участию в движении, зафиксировать процесс вхождения женщин в публичную сферу - в сферу политики: от робких первых голосов с позиции «вновь пришедших» на страницах журналов в конце 1850-х гг. - до издания собственных журналов, активного и осознанного формирования феминистского дискурса, поисков своего языка в начале 1900-х годов.

Именно эти источники прежде всего способны изменить логику и направление исследований.

XII раздел - «Российское женское движение» - включает в себя традиционный для библиографий по общественному движению корпус материалов: это и регламентирующие документы – уставы и программы женских организаций, и статьи о лидерах движения, и отчеты о деятельности организаций движения.

Подраздел “История вопроса. Работы общего характера” объединяет тексты исследователей, общественных деятелей, написанные в терминах “движения”.

“Материалы о лидерах и участницах движения” включает в себя, наряду с некрологами и памяtnыми сборниками, обычными для таких разделов, статьи из феминистских периодических изданий. Так, П.Н.Ариан регулярно помещала в своем ежегодном “Первом женском календаре” биографии здравствующих активисток женского движения.

Подраздел “Деятельность женских организаций, обществ, объединений” содержит материалы о женских организациях. Также в раздел включены материалы проектируемых, но не созданных женских организаций, специально выделены государственные организации, например, Дома трудолюбия, и партийные структуры советского времени, занимающиеся проблемами женщин.

Подраздел “Материалы женских съездов. Отклики на съезды” объединяет материалы всех прошедших женских съездов в заявленный период – как дореволюционных, так и советского времени.

Подраздел “Программы и уставы женских организаций, обществ, объединений” представляет обнаруженные в фондах библиотек Санкт-Петербурга и Москвы уставы женских организаций (далеко не всех, по моему мнению).

Завершается XII раздел подразделом “Призывы, воззвания, обращения к женщинам”. Эти обращения исходят от различных политических организаций и отражают попытки разных политических сил вовлечь женщин в орбиту своей деятельности. Феминистские обращения и воззвания презентуют феминистскую политическую активность.

Материалы, помещенные в разделы: XIII - «Проблемы работниц и крестьянок в феминистской интерпретации», XIV - «Проблемы семьи, брака, материнства, сексуальной морали», XV- «Проституция. Постановка проблемы», - демонстрируют, как феминистские установки и акценты переходят в либеральный или социалистический дискурсы и наоборот.

К таким проблемам, как проблемы женщин социальных низов, проституции, материнства, двойной сексуальной морали и т.д., российская общественность пришла позднее, под воздействием женского движения. Поэтому эти разделы расположены вслед за разделом XII “Российское женское движение”.

Раздел XIII - «Проблемы работниц и крестьянок в феминистской интерпретации» - объединяет работы участниц женского и феминистского движения, в которых рассматриваются проблемы женщин низших социальных классов – прислуги, работниц, крестьянок. Российские «равноправки» меньше всего стремились решить социальные вопросы женщин низших классов средствами благотворительности, в чем упрекала феминисток А.Коллонтай. Более того, среди них были принципиальные противницы благотворительной деятельности, такие, например, как М.Покровская. Работы, объединенные в этом разделе, носят скорее теоретический характер. Эта попытки теоретически осмыслить проблемы и найти пути к их решению. Однако это не означает, что организационно проблемы женщин социальных низов не решались

российскими «равноправками», скорее, они хорошо понимали малоэффективность их усилий без привлечения к решению этих социальных проблем самих их носительниц.

Раздел XIV - «Проблемы семьи, брака, материнства, сексуальной морали» - включает работы людей разных политических взглядов. На тему сексуальной морали, семьи, брака рассуждают и большевичка А.Коллонтай, и кадет В.Гессен, и архиепископ Стефан. Раздел разделен на два подраздела – «дореволюционный дискурс» и «постреволюционный дискурс».

Раздел XV - «Проституция. Постановка проблемы» - включает работы, рассматривающие проблемы проституции с позиции охраны нравственности, с медицинских позиций – распространения венерических заболеваний, а также статистические исследования вопроса.

В первом подразделе – «дореволюционный период» - российские общественные и профессиональные деятели демонстрируют две противоположные позиции – защитников и противников политики государственного контроля за проституцией (регламентация проституции), что находило выражение в деятельности Врачебно-полицейского комитета.

Второй подраздел - «Первые годы Советской власти: 1917 – конец 1920-х годов» – более однороден и демонстрирует медленное изменение государственной политики в отношении проституции – от установок на изменение социальных условий и профилактики проституции - к политике ее «полной ликвидации».

Завершает библиографию по истории женского движения и феминизма в России раздел XVI «Указатели». Это библиографические справочники по женскому вопросу, выполненные современниками, как участницами женского движения, так и сочувствующими движению представителями российской интеллигенции (В.М. Хвостов, Д.И. Жбанков). Не следует удивляться включению в раздел «Библиографических указателей по общественной медицинской и земско-медицинской литературе» Д.И. Жбанкова: в этих справочниках выделены специальные разделы о деятельности женщин в качестве городских и земских врачей.

Я надеюсь, что эта библиография поможет исследователям, которых интересует тема женского движения и феминизма в России - одна из базовых тем российской истории женщин - провести исследования и сделать свои открытия.

В то же время, появление нового поколения историков, работающих с гендерной проблематикой, позволит развить данную отрасль исторического знания, вписаться в мировой процесс и, что особенно важно, внести вклад исторической науки в формирование более терпимого, гуманного, свободного и демократичного общественного сознания.